

Елена
Михалкова

Водокопыт
мужих
желаний

Елена Ивановна Михалкова
Водоворот чужих желаний
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168375

Водоворот чужих желаний / Елена Михалкова: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-080726-0

Аннотация

Макар пятнадцать лет разыскивал убийцу любимой. И вот он близок к разгадке. Удастся ли ему раскрыть тайну и отпустить боль в прошлое?

Деревенский парень Николай стал жертвой розыгрыша юных девиц. Так и появилась волшебная деревянная фигурка русалки, исполняющая желания. Но не придется ли расплачиваться за свои мечты?

Катя из любви и чувства вины готова несмотря ни на что отправиться в неприветливую столицу только чтобы спасти мужа от кредиторов. Но всегда ли можно доверять любимому человеку?

Не зря говорится – бойся своих желаний, ведь порой мы не задумываемся о том, что наши стремления могут закрутить в водоворот чужих желаний!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	37
Глава 3	58
Глава 4	82
Глава 5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Елена Михалкова

Водоворот чужих желаний

Он смотрел на экран телевизора, в котором репортер профессионально озабоченным голосом вещал о постройке нового развлекательного центра, но не слышал ни одного слова. Перед глазами его стоял последний кадр предыдущего сюжета: пожилая женщина в оранжевой куртке держит в пальцах растопыренный кленовый лист, чуть растерянно глядя в камеру.

«Этого не может быть». Того, что он только что увидел, не могло быть.

Он выключил телевизор и мысленно прокрутил сюжет назад, вспоминая вопросы, которые задавал журналист женщине с кленовым листом.

«— В вашем дворе много кленов, правда?»

— Да... Много... А сейчас сильный листопад. Посмотри-те...»

Камера идет вверх, показывая зрителям деревья, с которых облетают красные и желтые листья.

Но женщины под кленами не могло быть.

Потому что она мертва.

Давно.

Пятнадцать лет.

Глава 1

– Я ее видел, – повторил Макар третий раз, игнорируя предложенную Сергеем чашку с кофе.

Бабкин коротко кивнул, подумав про себя, что не помнит Илюшина в таком возбужденном состоянии за все время, что они работали вместе.

– Кофе пей, – посоветовал он. – Остынет.

Сергей Бабкин и Макар Илюшин были частными детективами. Бабкин, в прошлом оперативник, несколько лет назад вынужден был уйти с работы, и тогда Макар пригласил его к себе помощником. Теперь они называли себя напарниками, хотя формально Илюшин по-прежнему оставался главным.

Худой, светловолосый Макар был похож на студента. Веселого и в меру наплевательски относящегося к учебе студента-очкарика, который на минуту снял очки и теперь смотрит на собеседника веселым и довольным взглядом человека, бесцельно сбежавшего с лекции. Здоровяк Сергей – высокий, крепкий, с глубоко посаженными темными глазами и коротким ежиком волос – когда-то имел у коллег прозвище Медведь. Не столько из-за внешнего сходства, сколько из-за молниеносной реакции, неожиданной в таком большом и кажущемся неуклюжим человеке.

Их не совсем обычный тандем оказался очень удачным, несмотря на то что Макар был типичным «одиночкой» и в

жизни, и в работе. Один из недоброжелателей Сергея поговаривал, что Илюшин с Бабкиным работают по принципу «ум – сила», но в действительности сильной стороной первого была интуиция, а второго – добросовестность, компенсировавшая отсутствие озарений. Сергей в глубине души признавал главенство Макара, поскольку знал: Илюшин обладает тем, чего нет и никогда не будет у него самого. Добросовестности можно научиться – интуиции научиться нельзя.

Иногда Макар казался Бабкину отстраненным наблюдателем, про себя подсмеивающимся над всем, но в первую очередь – над самим собой, Макаром Илюшиным, тридцати шести лет от роду, которому окружающие редко давали больше двадцати пяти. Он никогда не рассказывал о своем прошлом, а Сергей не спрашивал. Насколько он знал, у приятеля не было родных. Макар тщательно оберегал свое личное пространство, не пуская туда никого.

«Должно было случиться что-то серьезное, если он так выбит из колеи».

– Их искали четыре дня, – неожиданно сказал Илюшин. – Мы боялись, что не найдем, потому что – сам понимаешь, девяносто третий год, люди исчезали бесследно...

Бабкин ничего не понимал, но молчал.

– Алису нашли, а ту, вторую, – нет. Но был свидетель...

Алиса Аркадьевна Мельникова и Зинаида Яковлевна Белова в теплый майский день тысяча девятьсот девяносто третьего года вышли вместе из института, в котором одна

училась, а вторая работала гардеробщицей, и направились к остановке троллейбуса. Их видели другие студенты, но никто не удивился, что Алиса идет с Зинаидой Яковлевной – гардеробщица была доброй теткой и, возможно, собиралась осчастливить Алиску очередным огромным букетом пионов, привезенным ею с участка. Макар Илюшин в это время разговаривал с преподавателем по уголовному праву, выясняя крайне занимательный вопрос, и не знал, что сегодня последний раз он видел свою девушку живой.

Четыре дня, пока искали пропавших, Макар провел словно в чужом теле. Тело ело, говорило, шевелило руками и ногами, но оно было не его. И голос, которым он расспрашивал свидетелей, был не его. И проклятая интуиция, развитая у него с детства, была не его, потому что она говорила, что его кудрявой, веселой, обожаемой Алисы, вытащившей Макара на свет из темноты, в которой он существовал три года, больше нет. Он знал это, но, стоя над ее телом в морге, все равно не смог сдержаться и закричал. А потом заплакал.

Следствия не было. Официально оно велось, но никто ничего не мог сказать ни Илюшину, ни родителям Алисы, кроме того, где именно было обнаружено тело девушки. Один из юго-западных районов Москвы...

Макар уволился из фирмы, где он работал и одновременно проходил практику, и стал искать, кто убил Алису Мельникову и где может быть Зинаида Белова. Во дворе дома, где девушку ударили ножом, он нашел свидетеля.

– Мужик-инвалид, – сказал Макар Сергею, ошеломленно слушавшему рассказ друга. – До меня опрашивали всех, кто жил в том доме, но никто не признался, что видел убийц, хотя не могли не видеть: все произошло днем, около четырех часов. Он, наверное, пожалел меня, потому и решился рассказать.

Из подъезда вышли два человека, рассказал старичок-инвалид, и быстро направились к машине – у них в руках были большие спортивные сумки. Девушка и женщина завернули из-за угла дома и чуть не столкнулись с ними. Двор будто вымер, потому что незадолго до этого все слышали крики о помощи, доносившиеся из окна третьего этажа и захлебнувшиеся спустя полминуты. Один из преступников, задержавшись на несколько секунд, деловито ткнул девушку ножом, и она, даже не вскрикнув, осела на асфальт, зажимая рану.

– Перед гардеробщицей тот человек остановился, что-то сделал, и она тоже начала падать. Но ее подхватили и сунули в машину. Больше ее никто не видел. Тело Алисы идентифицировали спустя четыре дня.

– Почему так долго? – спросил Бабкин, чтобы сказать хоть что-то.

– Она лежала в морге другого района, документов при ней не было. А тело Зинаиды Яковлевны так и не нашли. Я думал, что его выбросили где-нибудь за городом или закопали. Думал так до сегодняшнего дня.

– Где ты ее увидел?

– Небольшой утренний сюжет в новостях о работе дворников, ничего особенного. Ей задали несколько вопросов, она ответила. Это Белова, можешь мне поверить. Она очень хорошо выглядит, почти не изменилась.

Бабкин кивнул. Он и не сомневался. Макар обладает прекрасной памятью, и если он говорит, что узнал человека, значит, так оно и есть.

– Я был совершенно уверен, что она – такая же случайная жертва, как и Алиса, – медленно проговорил Илюшин. – Но если это не так...

– Ты узнал, кто их убил?

– Да. Узнал.

Банду налетчиков взяли три месяца спустя. Двоих убили при перестрелке, третий пытался сбежать, но врезался в бетонное ограждение и скончался, когда его везли в машине «Скорой помощи».

– Я был уверен, что все они мертвы. – Макар посмотрел на Бабкина первый раз за все время своего рассказа. – Теперь я знаю, что это не так. Может быть, я ошибся в чем-то еще? Если они оставили одного свидетеля в живых, убив второго, может, это был вовсе не свидетель?

– Надо встретиться с корреспондентом, выяснить, по каким адресам брали интервью, – сказал Сергей, вставая и выливая остывший кофе Илюшина в раковину.

Он хотел добавить что-нибудь, что хоть немного успокоило бы Макара, но не смог. Он никогда не умел подбирать

правильные утешительные слова в трудных ситуациях.

– Я тебе еще кофе сварю, – буркнул Сергей. – А ты пока позвони на тот телеканал, по которому шли новости.

* * *

Лампочка в подъезде погасла неожиданно и бесшумно, словно на нее набросили черную тряпку. Катя встала, как вкопанная, затаив дыхание. Глаза не успели привыкнуть к темноте, и, компенсируя временную слепоту, с удвоенной силой заработали обоняние и слух. В нос ударили машинный запах лифта и кислая вонь мусоропровода в закутке возле первой квартиры. Одновременно она слышала визгливые голоса в соседней квартире, приглушенный плач ребенка... И скрип двери, открывшейся за ее спиной. Резко потянуло сквозняком, и Катя обернулась, прищурившись.

Кто-то тяжелый, шумно дышащий неторопливо вошел в подъезд и, не остановившись ни на секунду, направился к лифту. Либо он был здесь своим, либо видел в темноте – в отличие от Кати, которая без света ощущала себя слепым котенком. Вошедший поднялся по ступенькам, остановился в пяти шагах от девушки и отчетливо хмыкнул.

«Маньяк, – с тоскливым страхом подумала Катя. – Госпо-ди, закричать, что ли? Так ведь не выйдет никто...»

– Здравствуйте, – сказала она в темноту. – Вы не могли бы вызвать лифт?

– А-а-а, – проскрипели в ответ, – сама-то не видишь, да? Я-то уж привыкла, что как ни войдешь – все темнотища. Ох, поганцы, сколько раз говорено – вставьте нормальную лампочку...

Женщина безошибочно стукнула по невидимой кнопке, и где-то наверху вздрогнул и поехал лифт. Когда двери открылись, выпуская свет, Катя увидела полную одышливую соседку с пятого этажа – пожилую, неопрятную.

– Заходи, заходи, – недовольно сказала та. – Чего стоишь-то?

Катя зашла, затащила сумки. И почувствовала странное облегчение, когда двери закрылись, отсекая от нее первый этаж, которого она почему-то боялась с тех пор, как переехала в этот проклятый дом.

Дверь в квартиру открыла недовольная полусонная Седа, от которой пахло сладковатыми дешевыми духами.

– Не стой, заходи, – сказала она, не делая ни малейшей попытки помочь Кате с сумками. – Чего так поздно-то? Артур уже спать лег.

Катя хотела было ответить, что на нее свалилось много заказов, и заметить, что воспитанные люди сначала здороваются, а потом уже задают вопросы, и еще попросить Седу перестать, наконец, душиться этой невыносимой мерзостью... Но промолчала, потому что сестра мужа уже шла по коридору, виляя бедрами в спортивных штанах.

– Катерина пришла? – донесся с кухни сочный голос Ди-

аны Арутюновны, и Катя подумала, что та опять курила в форточку, хотя она много раз просила свекровь не делать этого. – Что-то припозднилась сегодня...

В ответ раздался смешок Седы и тихое бормотание женщин. Катя стащила сапоги, бросила взгляд на натекшую с них грязную лужу и опустилась на табуретку, борясь с желанием закрыть глаза и уснуть прямо здесь, в прихожей.

– Добрый вечер, Катенька! – Свекровь выплыла в коридор, солнечно улыбаясь. – Артурчик уже спит, что-то устал он сегодня.

– Добрый вечер.

– Ой, грязи-то сколько! – свекровь заметила расплывающуюся на полу возле Катиных сапог лужу. – Сейчас тряпку принесу. Дом, Катенька, должен быть чистым, меня этому еще бабушка учила! Самое важное в доме – чистота!

Катя покорно кивнула. Она никогда не видела бабушку своей свекрови, но от всей души ненавидела эту почтенную особу. Судя по рассказам Дианы Арутюновны, при жизни старушка только и делала, что поучала внучку по любому поводу. Разнообразием в поучениях бабушка не отличалась, а потому к концу первого года знакомства с Артуром Катя знала, что самое важное в доме – это чистота, сытный ужин и довольный муж, опрятные вещи, вымытые окна... Стоило свекрови заметить что-то, нарушавшее ее представление о прекрасном, как тут же всплывал призрак ее бабушки с наставлениями о том, что самое важное в доме – это... «Нуж-

ное подставить», – говорила в таких случаях Катя. Про себя, естественно.

– Вот тебе тряпочка, Катенька, – промурлыкала свекровь, и к табуретке спланировала половая тряпка. – Не буду мешать.

И удалилась, шурша шелковым подолом.

Час спустя в квартире спали все, кроме Кати. Диана Артюновна с дочерью храпели так, что было слышно из-за закрытой двери. Артур негромко посапывал в спальне. Катя зашла к мужу в комнату, включила ночник, постояла, глядя на его безмятежное лицо. Спит. Как там сказала Диана Артюновна? «Устал сегодня». Разумеется. Ничего не делал и очень устал.

– Устал, значит, – повторила Катя шепотом, сдерживая желание рывкнуть на всю квартиру и разбудить Артура.

Нет, рывкать нельзя. Один раз соседи уже пригрозили, что вызовут милицию – это случилось после скандала свекрови с Седой. Тогда угроза подействовала на обеих женщин как ушат холодной воды, да и Артур высказал им все, что думает, не стесняясь в выражениях. Нельзя им привлекать к себе внимание, никак нельзя! Появится милиция – и пиши пропало, придется искать съемную квартиру, а где ее найдешь с их-то средствами...

«Так что, милая, никакого рывканья. Радуйся, что есть время посидеть в тишине».

Катя прошла на кухню, уселась на облезлый подоконник.

Из пяти фонарей во дворе горел лишь один, и снежинки мелькали в желтом круге. «Завтра опять будет слякотно. Ноги в тонких сапогах уже сейчас мерзнут, а ведь еще только конец ноября. Что же мы будем делать зимой?»

Этим вопросом Катя задавалась уже третью неделю, и он стал постоянным рефреном. «Что же мы будем делать зимой?» – спрашивала она у себя по любому поводу, хотя, откровенно говоря, местоимение «мы» было в этом вопросе неуместным. Сейчас, сидя на холодном подоконнике в кухне чужой квартиры и прислушиваясь к похрапыванию трех людей в соседних комнатах, она окончательно поняла, что вопрос должен звучать иначе: «Что Я буду делать зимой?» Потому что рассчитывать на то, что Артур, его мать и сестра станут помогать ей, не приходилось. Тем более они и так считали, что помогают достаточно – например, Диана Артюновна готовила ужины, а Седа – обеды. В общем, вносили свой вклад в их совместное выживание.

Катя подышала на стекло и нарисовала на запотевшем круге рожицу. Точка, точка, запятая. Вышла рожица смешная. Смешная, но невеселая, потому что улыбалась рожица как-то криво, одним уголком рта. Девушка вспомнила, как полгода назад перед свадьбой рисовала такую же рожицу на окне в комнате общежития, ожидая Артура. Она любила рисовать на стекле. Вот тогда рожица улыбалась до ушей. Даже мама, озабоченная предстоящей суматохой, зайдя в комнату, заметила:

– Улыбается, прямо как ты. Счастья полные штаны.

И когда Катя обернулась к ней и впрямь с точно такой же улыбкой во весь рот, мама не выдержала и чмокнула дочь в макушку, хотя была против этой свадьбы.

Если с Артуром Ирину Степановну, приехавшую на свадьбу из маленького городка под Ростовом, худо-бедно мирили его внимание и забота о невесте, то мать будущего зятя и его сестру она невзлюбила с первого взгляда. Катя, как могла, убеждала ее, что Диана Арутюновна очень хорошая женщина, сына просто обожает. И Седа тоже хорошая, просто немножко избалованная. «У тебя все хорошие! – сердилась мать. – Глупая ты, Катька, не понимаешь: чужие они нам, чужие! Ладно. Деваться-то некуда».

Эх, могла ли мама представить тогда, что ее дочери придется уехать из Ростова-на-Дону в Москву. И вот уже два месяца повторять «что же мы будем делать зимой». Что-что... Выживать, известное дело.

«Хватит паниковать, – приказала себе Катя, слезая с подоконника. – И нить. Ничего страшного не происходит. Плохо, конечно, что приходится маме врать, но это для того, чтобы она не беспокоилась. Вот пройдет год, вернемся обратно в Ростов, и тогда...»

Что будет «тогда», Катя не могла представить. Смутно ей виделось что-то хорошее, и, стараясь верить в это, она умылась и легла спать, поставив будильник на шесть утра. Артур негромко посапывал, и лицо его было совершенно без-

мятежным.

Несколько месяцев назад.

Катя познакомилась с будущим мужем на общей институтской тусовке, на которой оказались и несколько «пришлых парней» – взрослых, уже закончивших институт. Он был высоким, темноглазым и темноволосым, улыбчивым, и ему очень подходило имя Артур. Такую же темноволосую, как он, смешливую Катю парень сразу выделил из остальных девчонок, дружно отплясывавших под незамысловатые попсовые напевы.

Ухаживал он очень красиво, приносил охапки пышных бордовых роз, а в ответ на Катино смущенное сопротивление только смеялся. «Катюша, я же Ашотян! Мы, армяне, по-другому не умеем!» Надписи мелом на асфальте под окнами общежития «Котенок! Ты – единственная!», чтение стихов под луной, ужины при свечах в кафе... «Катюша, я же романтик! Мы, армяне, все немного романтики!»

Очень быстро и неожиданно для Кати последовало знакомство с его родителями – точнее, с мамой, поскольку отец Артура погиб два года назад в автомобильной катастрофе. Диана Арутюновна очаровала Катю. Это была смуглая пышная женщина с гладкой персиковой кожей и нежнейшим пушком на щеках. Слушая ее рассказы, Катя вспоминала: «А как речь-то говорит – будто реченька журчит!» – голос у женщины был мягкий, мелодичный. А вот ее родная дочь Седа – маленькая, с точеной фигуркой статуэтки и глазами

газели – говорила грубовато, а когда начинала волноваться, в ее речи явственно слышался акцент.

– Катюша, милая, ты мне будешь, как доченька, – улыбалась мама Артура. – Ты представить не можешь, как же мы рады за Артурчика! Правда, Седа?

Та улыбалась, кивала, перебирала длинные волнистые волосы, посматривала на Катю загадочно. Пару раз подарила ей помаду и тени – дешевенькие, правда, но Кате все равно было приятно.

– Мам, они славные, – говорила она матери, приехав к той на выходные.

– Славные-славные, – кивала мать, и в голосе ее слышался неприкрытый скепсис. – Кем, говоришь, сестренка твоего ухажера работает?

– Продавщицей. То есть консультантом. А что?

– Нет, ты говори как есть – продавщицей. А то придумали всяких консультантов... В бутике, может, консультанты, а на рынке – продавщицы.

– Мама, она не на рынке!

– Универмаг ничуть не лучше рынка, – отмахивалась мать. – А может, и хуже.

– Ну и что? Чем ее работа плоха?

– Ничем, Катюша, ничем. Ты борщик-то ешь, ешь. А мать кем работает?

– Диана Арутюновна пока никем, она работу ищет.

– Конечно, конечно. Как овдовела два года назад, так все

и ищет.

– Да не придирайся ты, мам! Зато у них Артур хорошо зарабатывает, он и мать, и сестру содержит!

Здесь Ирине Степановне возразить было нечего. После гибели старшего Ашотяна парня взял в свою фирму какой-то дальний родственник, и с тех пор Артур занимался продажей машин. Катя интересовалась его работой, но Артур рассказывал о ней неохотно, скупно, уверяя, что его «бизнес», как он говорил, будет ей совершенно неинтересен. Он ездил на хорошей, хоть и подержанной иномарке, любил одеваться с иголки, частенько водил Катю в ресторанчики, и она видела, какие щедрые чаевые Артур оставляет официантам.

– Содержит, – неохотно соглашалась Ирина Степановна. – Ой, Катюша, только не торопись, прошу тебя. Присмотрись к ним внимательнее. Будь моя воля – ей-богу, поселилась бы с тобой в твоём захудалом общежитии, чтоб не мотаться тебе ко мне за сто километров. И ты была бы под присмотром.

Катя и не собиралась никуда торопиться: до окончания института еще весь пятый курс остался, Артур никаких предложений ей не делал. «Подумаешь, с семьей познакомил! Это ни о чем не говорит».

В начале декабря, выйдя из общежития рано утром и торопясь в институт к первой паре, Катя увидела подъезжавший к остановке автобус и ускорила шаг. Ледяную дорожку, присыпанную снегом, она заметила только тогда, когда ноги уже разъехались на льду; Катя нелепо взмахнула руками и

упала на спину, треснувшись затылком об лед.

– Хорошо, что есть шапка на глупой голове, – сказала она себе, глядя в пасмурное небо, откуда валил снег. – Отделаюсь синяком.

Она повернула голову вправо-влево, убедилась, что ее позорного падения никто не видел, и попыталась встать. Резкая боль, какой Катя никогда раньше не испытывала, пронзила позвоночник, и она вскрикнула.

– Господи, да что же это такое... – пробормотала Катя, смагивая выступившие от боли слезы. – Неужели и на спине синяк?

Она сделала еще одну попытку встать, снова закричала и перевела дыхание. У нее что-то случилось со спиной, и теперь она не могла подняться.

– Мамочка... – жалобно сказала девушка. – Разве так бывает? Ничего, ничего, я сейчас полежу и поднимусь. К первой паре не успею, значит, приеду ко второй...

Она бормотала себе под нос, одновременно пробуя двигать руками и ногами, проверяя, насколько ограничены ее движения, и убеждаясь, что чувствует боль только при попытке подняться. Снег шел все сильнее, и Катя представила, как через час ее занесет.

«Получится сугробик. А если полить его водой – то горка».

Сумка при падении отлетела в сторону, и Катя, сжав зубы, попыталась дотянуться до нее. Получилось это только с

третьего раза, потому что боль была невыносимой: казалось, что кто-то со всего размаху ударяет ее тупой иглой в позвоночник. Подтащив сумку, Катя долго лежала, прижимая ее к себе и тяжело, прерывисто дыша. Затем кое-как вытащила телефон и набрала номер «Скорой».

Артур примчался в больницу вечером. Долго сидел возле Кати, расспрашивал ее, потом искал врачей, допытывался у медсестры о диагнозе и прогнозах и в конце концов вернулся обратно и сел около кровати с отрешенным лицом.

– Слушай, – сказал он наконец, и в речи его прорезался акцент – совсем как у младшей сестры. – Ты, главное, не бойся. Мы тебя вылечим. Деньги найдем. Все сделаем. Главное – не бойся.

«Я и не боюсь», – хотела сказать Катя, но боль снова проткнула иглой, и она стиснула зубы. На самом деле ей было страшно. Она помнила перепуганное лицо приехавшей днем мамы, ее долгий разговор с врачом после того, как Катю осмотрели и просветили на каком-то большом гудящем аппарате, мамино заплаканное лицо. Слова Артура успокаивали Катю, и ей отчаянно хотелось, чтобы он остался. Но Артур ушел, пообещав забежать на следующий день.

Началось долгое и мучительное лечение. Катя не хотела слушать подробностей об операции, которая ей предстояла. Она не понимала, почему ее здоровое молодое тело приковано к кровати всего лишь из-за какого-то падения на лед. Она не хотела думать о том, что будет после операции. Врачи

произносили слово «реабилитация» так, как будто все уже позади, но она понимала, что на самом-то деле все только начинается. Мама подолгу разговаривала с врачами и один раз призналась дочери, что собирается занять денег на работе. У Кати не было иллюзий о бесплатности отечественной медицины, но слова мамы поразили ее, и она заплакала – первый раз после падения. У кого мама будет занимать деньги? У таких же, как она сама, терапевтов, работающих в поликлинике маленького провинциального городка? Смешно.

И тогда Артур показал себя с такой стороны, что Ирина Степановна прониклась к нему горячей благодарностью и уважением. Катя ни слова не говорила ему о намерении матери занять денег, и потому для нее было вдвойне удивительно, когда в разговоре с врачом выяснилось, что Артур оплатил операцию и послеоперационный уход. После этого все завертелось так быстро, что Катя не успела опомниться – а ее уже готовили к операции, и ласковая пожилая медсестра бормотала что-то ободряющее на ухо, делая ей укол.

Полтора месяца спустя Катя вышла из больницы – сама. Ее предупреждали, что возможны осложнения, но все обошлось. Она могла ходить, бегать, и только на прыжки и любые тренировки на полгода было наложено ограничение.

Артур сделал ей предложение, когда Катя еще лежала в больнице. Она пыталась отшутиться, но он был серьезен и настойчив.

– Подумай – польза будет для всех, – убедительно говорил

Артур. – Тебе лучше жить у нас, потому что ты, милая, не будешь ни готовить, ни убираться. От моего дома ближе до института. И, в конце концов, хоть это и не главное, я люблю тебя.

И улыбнулся так широко и обаятельно, что Катя не удержалась и поцеловала его. Господи, он так помог ей, а она еще о чем-то думает, сомневается! Ведь ясно же как божий день, что ей не найти человека надежнее и заботливее Артура!

Свадьбу назначили на конец апреля. От самого торжества в памяти у Кати не осталось ничего, кроме воспоминания о букете роскошных алых роз, которые привез Артур. Она боялась испачкать стеблями подол свадебного платья, взятого напрокат, и мама придумала обернуть цветы в первую попавшуюся нарядную бумагу. Это оказалась оставшаяся после Нового года упаковочная фольга, на которой олени везли в тележке упитанного Санта-Клауса, похожего на поросенка, и так с Санта-Клаусом Катя и вышла замуж.

Первые пару месяцев совместной жизни с Артуром и его семьей она чувствовала себя странно – как будто надела приличную одежду с чужого плеча: вроде бы все хорошо сидит, красиво смотрится, но «не твое». Муж работал с утра до вечера, Катя целыми днями усиленно занималась в его комнате (она так и не воспринимала ее пока как «свою»), потому что договорилась с преподавателями в институте об индивидуальной сдаче сессии, чтобы не брать академический отпуск. Дома постоянно находилась свекровь, и ее доброжела-

тельность и забота иногда казались Кате чрезмерными. Но она тут же укоряла себя за нехорошие мысли, напоминая, что такая свекровь – золото, сокровище, которое нужно ценить. Сына Диана Арутюновна обожала, прощала Артуру все и даже готовила ради него нелюбимую ею жареную рыбу, от которой пахло на всю квартиру и лестничную клетку в придачу. Свекровь заставила и Катю научиться жарить камбалу и треску – мягко, но настойчиво приговаривая, что сама она не вечна, а жена должна уметь угождать мужу.

К ужину с работы возвращалась Седа. От нее всегда сильно пахло дешевыми сладковатыми духами, и Катя старалась не морщить нос, когда та подходила к ней поздороваться. Седа либо оживленно болтала на всевозможные темы, либо, наоборот, забивалась в кресло под торшером и молчала весь вечер, изредка кидая косые взгляды на невестку. Катя уходила в комнату мужа, однако свекровь деликатно, но твердо объяснила: у них в семье это не принято. Все женщины вечерами занимаются домашними делами и ждут главу семьи – то есть Артура. Если Кате нужно учиться, пусть занимается в зале, они с Седой не будут ей мешать. А если нет, то пусть либо помогает готовить ужин, либо делает что-нибудь полезное. Но только – вместе со всеми.

Иногда Катя пыталась пойти в гости к подружкам, но Диана Арутюновна и здесь была непреклонна: замужняя женщина должна проводить вечера либо с мужем, либо со своей семьей. А ее семья теперь она с Седой. Да и негоже девушке

одной ходить поздно по темным дворам.

Катя понимала, что со своим уставом в чужой монастырь не лезут, и слушалась свекровь. Да и Артур не раз говорил ей, что у их семьи есть свои традиции, и ему было бы очень приятно, если бы Катя их уважала. Она и не думала не уважать, но каждый раз получалось, что ее желание побыть в одиночестве расценивается как посягательство на традиции. В конце концов Катя махнула рукой и стала придерживаться того порядка, который был заведен в доме Ашотянов. А с подружками встречалась днем и в выходные.

На одном она настояла еще до свадьбы, хотя Артур и его мать очень обижались на нее за это: на сохранении своей девичьей фамилии. Катя Викулова не могла представить себя Катей Ашотян. Это была фамилия папы, и отказаться от нее она не могла.

Лето прошло незаметно. К концу его Катя уже забыла о перенесенной операции и думала только о том, что впереди пятый курс и нужно постараться закончить институт с красным дипломом. Артур был по-прежнему внимателен к ней, часто приносил домой цветы, но никогда не брал молодую жену на встречи с друзьями, устраивавшиеся еженедельно.

– Котенок, маленьким девочкам там не место, – объяснял он с извиняющейся улыбкой. – Прости, малыш, но у нас чисто мужская компания, тебе там будет неинтересно.

Катя и не рвалась встречаться с его друзьями, но ей все меньше нравилось, что Артур проводит время по своему

усмотрению, тогда как она должна подчиняться определенным правилам, установленным его семьей. Ощущение, что она живет не своей, а навязанной ей жизнью, не исчезло, но стало привычным. Поразмыслив, Катя решила серьезно поговорить с Артуром о том, что им нужно изменить в своих отношениях, и уже подбирала аргументы, чтобы убедить мужа переехать в съемную квартиру. И тут случилось событие, которое перевернуло их жизнь.

Звонок в дверь субботним вечером прозвучал отрывисто и оборвался – как будто тот, кто звонил, передумал и отпустил кнопку на половине звонка. Все ждали Артура, который, как обычно, встречался с друзьями, и Катя пошла открывать дверь, сама не понимая, почему ей вдруг стало не по себе.

Артур стоял, прижавшись лбом к дверному косяку, и по виску его стекал тонкий ручеек крови. На лбу наливался бордовым огромный синяк. Муж молча смотрел на Катю, и темно-карие глаза на белом лице казались провалившимися.

– Артур... Господи, что случилось?!

Она затащила мужа в квартиру, ощупала с головы до ног трясущимися руками.

– Что случилось? Артур, не молчи! Ты цел?

На шум выскочила Седа, за ней Диана Арутюновна.

– Мама... – Артур перевел взгляд на мать и быстро заговорил по-армянски. Изумленная Катя вслушивалась, не понимая ни слова: раньше муж при ней не говорил на родном

языке.

Свекровь переспросила что-то недоверчиво, затем перевела на Катю тяжелый взгляд.

– Да что такое, скажите?! – взмолилась девушка. – Да скажите же вы мне, в конце концов!

Седа быстро бросила несколько слов, Артур начал горячо возражать.

– Тихо, – непререкаемым тоном остановила их мать. Добавила несколько слов на армянском, и Артур, не разуваясь, покорно пошел в ее комнату. – Катюша, ты подожди немного, девочка. Не волнуйся: видишь же, он живой. Значит, все хорошо.

Все трое исчезли в комнате свекрови, оставив Катю в прихожей.

– Все хорошо? – переспросила она у вешалки. – Неужели?

Артур и Диана Арутюновна вышли десять минут спустя, когда у Кати набралось достаточно слов, чтобы высказать их мужу и свекрови. Но Артур тремя словами выбил почву у жены из-под ног.

– Собирайся, – сказал он, нервно поглядывая в сторону окна. – Мы уезжаем.

– Куда уезжаем? – не поняла Катя. – Что происходит?

– Артур, собирай вещи и позвони Тиграну, – вступила свекровь, – а я пока с Катюшей поговорю.

Усевшись напротив невестки и взяв ее за руки, Диана Арутюновна лаконично, но исчерпывающе обрисовала ситуа-

цию.

– Деньги на твое лечение Артур занял, – без обиняков сообщила она. – Мы не хотели тебе говорить, чтобы ты не чувствовала себя нам обязанной – ты ведь понимаешь меня, да? У него своих не хватило, ведь операция обошлась... – Свекровь замолчала на секунду, потом махнула рукой. – Ой, девочка моя, да какая разница, во сколько обошлась – главное, что ты жива-здорова! Но сейчас те люди требуют деньги обратно, да с большими процентами. У нас таких нет. Срок Артуру дали – до завтра, иначе...

– Что – иначе? – шепотом переспросила Катя.

Свекровь провела рукой по лбу, покачала головой.

– Ой, девочка, ты уже большая, сама все понимаешь. Сегодня просто побили Артура, а завтра, сказали, он так легко не отделается.

Катя попыталась собрать воедино разбежавшиеся мысли.

– Но подождите... Диана Арутюновна: зачем же уезжать? Нужно пойти в милицию, сейчас же!

Во взгляде свекрови мелькнуло нечто вроде сочувствия.

– Какая милиция, Катюша? Они и есть милиция! Где ты живешь, милая, что не знаешь – у нас милиция и бандиты – это одно и то же! Поняла? Одно и то же! А попробуешь в прокуратуру пожаловаться – так Артура удушат в камере. Еще и скажут потом: чурка, мол, нерусский, сам повесился.

– Куда же вы хотите ехать? – беспомощно спросила Катя.

– В Москву нужно податься, – веско ответила свекровь. –

Известно – Москва большая, в ней любому место найдется. У родных там квартирка есть, в которой можно пожить, они нас туда пустят.

– А что потом?

– Как что? Пересидим, полгодика переждем, а там, глядишь, и посадят этих бандитов. Тогда можно будет вернуться. Ты, Катенька, не торопись с нами ехать, – добавила свекровь, глядя на смятенное лицо девушки, – может, тебе лучше здесь остаться? Мы-то люди привычные к переездам, а вот ты у нас девочка домашняя, всю жизнь за маминой спиной росла. В столице-то работать придется, а не учебники читать. До того все Артур тебе помогал, а теперь ему самому помощь нужна.

Катя вспыхнула.

– Я поеду с мужем, – отрезала она. – Когда мы выезжаем?

– Как Тигран машину пришлет, так и поедem. Если решила, собери самое необходимое, да быстренько. Вещи возьми теплые. Да не вздумай матери звонить! – одернула Катю свекровь, видя, что та направляется к телефону. – Выдашь Артура, найдут его! Из Москвы позвонишь... Да иди же, иди!

И вытолкала Катерину в ее комнату. Навстречу по коридору пробежала Седа, запихивая на ходу в чемодан первые попавшиеся шмотки.

Двое суток спустя Катя вошла в квартиру на пятом этаже – серую, с ободранными обоями и пузырящимся линолеумом. Ее качало после выматывающей поездки в раздолбан-

ном «жигуленке», невыносимо хотелось спать. Она прошла в большую комнату, не прислушиваясь к армянской речи, на которую перешли Артур с сестрой и матерью, и осмотрелась по сторонам.

Господи, и в этой грязной лачуге им придется жить? Сколько там сказала свекровь... полгода? Над головой у Кати раскачивалась тусклая лампочка, в углу притулился полуразвалившийся диван, от которого несло пылью и старым тряпьем. Да и во всей квартире пахло чем-то затхлым.

Кухня оказалась не намного лучше комнат. Черная раковина, остатки соды в скомканной коробке, заплесневелая корка хлеба и окурок на подоконнике. «Убожество какое. Просто убожество».

– Ну что, котенок, осмотрелась? – Артур зашел за Катей следом и ласково обнял ее за плечи. – Маленькая, тебе, наверное, тяжело пришлось в дороге. Я очень благодарен тебе за то, что ты поехала с нами. Очень-очень.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Что мне сделать для тебя, малыш? – спросил Артур, внимательно заглядывая в темные глаза жены. – Скажи, что?

Катя ощутила себя свиньей. «Квартира ей грязная... укачало ее... А то, что Артур для тебя деньги на операцию занял и теперь за ним бандиты охотятся, тебя не волнует?»

– Ты для меня уже и так много сделал, – искренне ответила она. – Не переживай. Отдохни, а мы пока приведем квартиру в порядок.

Как объяснила свекровь, квартирой им разрешили пользоваться дальние родственники. Безвозмездно. Родственников у Ашотянов было очень много, поэтому Катя не удивилась. А вот отказ Артура, его сестры и матери выходить на улицу ее ошеломили.

– Только я? – недоуменно переспросила она, когда свекровь объяснила ей правила поведения в новом месте проживания. – Но почему? Нас здесь никто не знает!

– Тебе только так кажется, – терпеливо объяснил Артур. – Пойми, котенок, меня будут искать. Я ведь обманул этих бандитов, не вернул им проценты, и они не оставят мой побег без внимания. Вычислят все адреса, куда я мог уехать, и отправят своих людей – поспрашивать, не появлялась ли там армянская семья.

– Вот-вот, – вступила Седа. – Тут-то нас всех и возьмут. А у тебя внешность русская, хоть ты и темненькая, на тебя никто внимания не обратит.

– Они правы, Катенька, – вздохнула свекровь. – Раз уж мы их перехитрили, нужно идти до конца. Иначе Артура поймают, и тогда все будет еще хуже. Ты же не хочешь такого, правда?

Нет, Катя не хотела.

Она позвонила маме и веселым голосом сказала, что они с Артуром решили рвануть на недельку в Москву. Заверив, что учеба от этого не пострадает, пожелала удивленной Ири-не Степановне беречь себя и быстренько попрощалась, со-

славшись на дороговизну междугородней связи.

И началась ее новая жизнь. Каждый день – да что там день, каждый час! – приносил Кате новые открытия, большинство из которых поражало ее настолько, что она воспринимала их молча, не сопротивляясь. Молниеносный ошеломительный переезд из Ростова в Москву, новая квартира – грязная, мрачная, необходимость ходить за продуктами по незнакомому району в чужом городе, а потом рассказывать Артуру о всех встреченных людях... И самое главное – теперь она должна была устроиться на работу в Москве.

– Ты пойми, Катюша, – ласково объясняла свекровь, – денег нам хватит на месяц, не больше. А что потом? За квартиру мы не платим, но кушать-то хочется!

– Неужели вы и в самом деле считаете, что я смогу заработать на всех, не имея даже временной московской прописки и высшего образования? – резко спросила Катя. – А что в это время будете делать вы? Как я объясню происходящее маме? А подругам? Послушайте, нам нужно найти другой выход!

– Я же говорила тебе, – подала голос Седа, выразительно глядя на брата. – Она нам не помощник.

«Что значит – не помощник?!» – возмутилась про себя Катя, но тут заговорил Артур:

– Катюша, мне ведь не на кого рассчитывать, кроме тебя. – Он виновато улыбнулся и развел руками. – Ты сама понимаешь...

– Когда тебе нужна была операция, Артур не думал о том,

что ему делать, – язвительно заметила Седа. – Он просто нашел деньги. Тебе же никто не предлагает проституткой работать...

Катя вскинула на нее темные глаза, и свекровь немедленно вмешалась.

– Седа! – строго одернула она дочь. – Что ты говоришь? Катенька, мы тебя не заставляем, конечно же. Просто просим. Ты умная девочка, легко найдешь работу. Нам нужно всего несколько месяцев переждать, а там вернемся в Ростов. Артур ведь для тебя старался, правда?

Смешанное чувство вины и благодарности не позволило Кате сказать свекрови, что все происходящее кажется ей нелепой постановкой, в которой она не хочет принимать участия. К тому же, подумав, она вынуждена была признать, что выбора у них нет. Если Седе и Диане Арутюновне, не говоря уже об Артуре, опасно выходить на улицу, то единственным человеком, который может зарабатывать деньги, является она сама, Катя.

Два дня она потратила на знакомство с районом, в котором они поселились. Это был северный район Москвы, выросший вокруг давно не работавших заводов, – бедный, с унылыми серыми домами-хрущевками, перемежавшимися такими же унылыми серыми девятиэтажками. В одной из этих девятиэтажек и находилась их квартира.

«Беспросветно», – вот как определяла Катя все вокруг: улицы, магазины, людей. Улицы были загазованные, грязные;

магазины дешевые и грязные; люди хмурые и грязные. Октябрь выдался на редкость пасмурным, беспрестанно лили дожди, и листья под ногами образовали склизкую темную массу.

В двух продуктовых магазинах по соседству, куда наивная Катя попыталась устроиться, ее высмеяли. Так она выяснила, что есть все-таки необходимы прописка и медицинский полис. А также готовность к тому, что над ней будут смеяться.

Как получить первое и второе, подсказала опытная свекровь, и позвонив по объявлению, снятому с ближайшего фонарного столба, Катя стала владелицей свидетельства о временной регистрации где-то в Подмоскowie и медицинской книжки со всеми необходимыми печатями.

Целыми днями она бегала по собеседованиям, о которых узнавала из газет. Везде требовался опыт работы, а в некоторых местах – исключительно московская прописка. Продащица в цветочном ларьке, консультант в обувном магазине, уборщица в маленьком торговом центре, продавщица, на этот раз в хлебном отделе, секретарь в туристической фирме, консьержка в подъезде «крутой новостройки...» Повсюду она слышала отказ. От отчаяния Катя сунулась к молодому парню-таджику, подметавшему их улицу, и спросила, не нужен ли им еще один дворник, а точнее – дворничиха. Парень шарахнулся от нее в сторону, что-то пробормотал не по-русски и покачал головой. «Сомневается он, голубушка, в твоих способностях, – язвительно заметила про себя Ка-

тя. – И правильно. Как же ты с фальшивой пропиской улицу будешь подметать?»

Дома после безуспешных поисков ее ждали Артур, свекровь и Седа: первый заботливый, вторая оптимистичная, третья мрачная.

– Не расстраивайся, котенок, – обнимал жену Артур, ласково поглаживая ее по волосам. – Все получится. Пойдем, я тебе супчик разогрею.

Катя хлебала невкусный супчик, сваренный Седой, рассказывала о своих неудачах, смотрела на сочувственно кивающего мужа и ловила себя на мысли, что это она во всем виновата. Если бы она не упала, Артуру не пришлось бы занимать деньги у каких-то бандитов, и его не избили бы за то, что он не смог их вернуть с процентами в срок, и они не жили бы в чужой квартире, из которой может выйти только она. И не приходилось бы врать маме по телефону, что в Москве очень здорово, они с Артуром уже были на Красной площади, на Воробьевых горах и в Третьяковке, а завтра пойдут туда снова, потому что им очень понравилось.

Удача улыбнулась Кате неожиданно. На пятый день поисков она наткнулась на объявление о том, что фирме требуется курьер, хорошо знающий Москву. «Наличие машины не обязательно», – прочла Катя. Через час она ехала на собеседование на противоположный конец города.

А на следующее утро ехала тем же маршрутом – уже на работу.

– Ваша задача очень проста, – сказала ей полная дама, с которой Катя и встречалась для собеседования. – Вы будете развозить заказы по адресам. У нас большой сайт, люди заказывают детские игрушки, книжки. Вы приезжаете на склад, изучаете заказы – куда и что нужно везти, затем созваниваетесь с людьми – и в путь. Про квитанции и возврат товара Людочка вам объяснит. Люда!

Катя вставала рано утром, когда за окном еще было темно, собиралась, стараясь не разбудить мужа, быстро завтракала овсяной кашей и выходила из дома. Вокруг нее собирались маленькие ручейки таких же, как она, серых людей с капюшонами, закрывавшими глаза. У станции метро ручейки собирались в реку, с глухим шарканьем подошв стекавшую вниз.

Подземку Катя возненавидела после первой же поездки. Здесь оглушительно шумели поезда, и волна воздуха безжалостно срывала с головы капюшон; здесь стояли нищие с уродливыми лицами, а самые наглые ходили по вагонам, демонстрируя отрезанные и оторванные конечности; здесь так небрежно отталкивали ее от дверей вагона те, кто сильнее, словно она, Катя Викулова, была вещью, а не человеком. Здесь ее никто не замечал.

Толпа всасывала ее еще на ступеньках, ведущих в подземку, и не давала вырваться – несла с собой, проталкивала через турникет, заносила в вагон, прижимала к двери. Нельзя было выделяться из толпы. Когда Катя первый раз купила

билет на десять поездок, в кассе ей выдали маленький твердый прямоугольник. Она повертела его в руках, пытаясь сообразить, что же с ним делать. Подошла к турникету, попыталась вставить билет. Ничего не получилось. Катя растерянно перевернула его, ощущая себя глупо – в конце концов, это же должно быть элементарно!

– Что встала, шалава иваньковская! – раздалось сзади, и Катю решительно оттолкнула толстая баба с двумя хозяйственными сумками. – Дай дорогу, дура!

Баба приложила свой билет к какому-то кругу, протиснулась через турникет, высоко подняв сумки, и припустила бежать к эскалатору. Древний старичок неподалеку ехидно усмехнулся, глядя на Катину лицо. Девушка повторила те же действия и прошла мимо загоревшегося зеленого кружочка, чувствуя себя оплеванной.

«Не выделяйся. Повторяй за остальными. Будь такой же, как и все».

Изо дня в день, с утра до вечера Катя перемещалась по городу, таская тяжелую сумку с заказами, выдавая игрушки и принимая мятые купюры. Но к концу рабочего дня, когда в сумке ничего не оставалось, ей казалось, что она такая же тяжелая, как и утром.

Глава 2

Лето 1984 года. Село Кудряшово

Что бы там ни кричала Фаина, Николай был не очень пьян. «Чего орать-то сразу... – возмущенно говорил он себе, спускаясь по склону оврага, – ругается, елки-палки! Выпил с мужиками, само собой. Так не напился же, а выпил! Тьфу, дура!»

Возмущение Николая было тем сильнее, что все-таки пил он не просто так, в честь дня граненого стакана, а за собственный день рождения. Двадцать пять лет! Святая дата, елы-палы! Мужик родился, да не чужой, а ейный собственный, а Файка, баба глупая, простой вещи понять не хочет: отмечать такое дело надо не с женой и соседями, а с друзьями!

Но Фаина понимать мужа не хотела и за пьянку с Михаилом Левушиным и Колькой Котиком закатила ему такой скандал, что у Николая до сих пор в ушах звенело. Он терпел ее вопли, терпел, затем плюнул и ушел из дому.

Он брел по лесу, в котором уже сгущались сумерки, и от запаха мха и лесной земли, казалось, пьянел еще сильнее. Свернул с широкой тропы, вдоль которой переплетались листья черники, на узенькую, еле заметную тропку и побрел, раздвигая ветки, в сторону Марьиного омута, названного так из-за утопшей в нем много лет назад девицы Марьи.

– Издалека до-о-олго... Течет река Во-о-олга... – пел Николай, но вечерний лес приглушал звуки, и собственное пение наконец показалось ему настолько неуместным, что он замолчал. Тропинка пропадала в траве, потом появлялась снова, словно играя с ним, и ветки пару раз хлестнули его по щекам. Он с изумлением обнаружил, что солнце уже село («И когда успело-то? Вроде до заката еще пара часов оставалась») и на небе повисла луна – белая, круглая. «Во дубина, – подумал про себя Николай с раздражением. – Чего в лес-то поперся на ночь глядя? Перебесилась бы Файка, сейчас бы уже ужином кормила».

Он остановился в задумчивости, пытаясь вспомнить, зачем он вообще отправился к омуту, и уже совсем было решил повернуть обратно, как вдруг почувствовал по неуловимым признакам, что вода близко. Нерешительно сделав пару шагов, Николай раздвинул кусты бересклета и оказался на берегу Марьиного омута.

Черная гладь казалась матовой. На другом берегу стреко-тали кузнечики, но там, куда вышел Николай, стояла тишина – тем более непривычная, что до того вечерний лес был наполнен звуками. Ивы опускали тонкие ветви к самой воде, и пронзительно-тонко пахло незнакомыми Николаю цветами.

Темное зеркало омута манило, притягивало к себе. Он спустился к самой воде и уселся в мокрую от вечерней росы траву, прищуриваясь на противоположный берег. Омут был большой, и хотя рыбачить в нем никто не рыбачил – река Го-

лубица протекала в трех километрах, и рыба в ней водилась знатная, – ряской он не затянулся.

– Болото-болотом, – протянул Николай. – А ряски-то и нету...

Он вспомнил, как мальчишкой бегал к омуту с другими пацанятами и как отец выдрал его ремнем, узнав, что они купались в нем.

– С ума сошел! – причитала мать, бегая вокруг отца, стоявшего с ремнем в руке. – Хочешь, чтобы утопленница тебя за ноги схватила, под воду утащила? Смерти моей хочешь? Чтобы рыбы тебя под корягами объели?

Маленький Колька, крепко прижатый к лавке огромной отцовской рукой, представил собственное белое тело, обьеденное рыбами, и его охватил такой ужас, что он заревел в голос.

– Да отпусти ты его, – сказала мать отцу совсем другим тоном. – Вишь, кажись, понял.

Его приятелям тогда тоже попало, и наказание крепко отбило у них охоту купаться в Марьином омуте. А без купания какой интерес? Никакого, тем более что рядом речка – хоть и маленькая, но с быстринами, крутыми берегами, с которых так здорово прыгать в холодную воду, с крупными раками, которых можно доставать из глубоких черных нор. А когда Николай вырос, он и думать забыл об омуте – подумаешь, лужа и лужа, хоть и большая. И что его сейчас сюда понесло?

– Пойду, пожалуй, – сказал он вслух, поднимаясь.

На поверхности пруда что-то блеснуло, а затем по воде разбежались морщинки. Кузнечики на другом берегу притихли.

– Ветер, – недоверчиво проговорил Николай, наклоняясь к поверхности и всматриваясь.

По воде прошла еле видная волна. Он поднял глаза – ветки ив не шелохнулись.

– Рыба? – предположил он, зная сам, что не прав. «Ерунда. Рыба такую волну не пускает».

С новой силой застрекотали кузнечики, так что он вздрогнул от неожиданности, и, подпевая их слаженному хору, под ивами раскатисто заквакали лягушки. Волна запаха от цветов накатила на Николая, и он помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Какие цветы? Какой запах? Вечер безветренный, ни листочка не шелохнется. Но аромат не исчез – только теперь стал не тонким, а навязчиво-сладким, тяжелым, дурманящим.

«Искупаюсь, – решил Николай и начал раздеваться. – Что я – мальчишка малой, что ли?»

Он стащил рубаху и остановился. «Да что ж это я делаю-то, а? Куда с пьяных глаз купаться собрался?»

– Совсем задурили мне голову, – вслух сказал он, чтобы прогнать наваждение: притягивающий к себе черный омут, в середине которого медленно кружится водоворот, а в нем – белый ароматный цветок. – Чубушник, что ли, где цветет?

Под ноги ему плеснула волна, и на другой стороне омута

раздался негромкий смех. Смеялась женщина.

У Николая подогнулись ноги. Вцепившись в ворот собственной рубахи, он опустил на траву, и в свете вышедшей из-за облака луны увидел женский силуэт под ивами. Женщина снова рассмеялась, изогнулась и ушла в черную воду с головой. В ветвях ивы засветились призрачные голубоватые огоньки.

Николай попытался отползти от берега, но тело не слушалось. Замерев, он следил за неподвижной гладью воды, пытаясь убедить себя в том, что ему все привиделось.

– Что, загляделся? – раздался низкий голос от зарослей рогозника в пяти шагах от него.

Она уже была там – плескалась в воде: темноволосая, с яркими зелеными глазами, цвет которых он различал даже в темноте. Глаза широко расставленные, бесовские, с диким огоньком, брови – дугой, нос тонкий, а губы пухлые, алые. Отдаленно напоминала она Оксану, жену соседа Гришки Копытина, на которую мужики со всего села заглядывались, но Оксана была недотрога, а эта, казалось, зовет к себе, просит ласки. «Красота-то какая... С ума сойти можно от такой красоты». Страх его вдруг испарился, словно и не было, и Николаю неудержимо захотелось нырнуть к ней в омут.

– Загляделся, – хрипло ответил Николай, жадно вглядываясь в лицо женщины. – Уж больно ты хороша!

Над водой снова раздался негромкий смех, затем всплеск, как от удара веслом, – и темноволосая красавица подплыла

чуть ближе.

– А ты не боишься, а? – Она играла, заманивала его в свой омут, дразнила белым цветком с дурманящим запахом. – Не боишься меня, милый?

Николай не отводил от нее взгляда. Колдовские глаза манили, губы, сложившиеся в насмешливую улыбку, были такими красными, словно она ела вишню, и сок стекал по ним. «А кожа-то какая белая... Как цветок». В голове у него помутилось, он не понимал ничего, кроме одного: сказала бы сейчас, что поцелует его, так полез бы за ней хоть в омут, хоть к самым чертям.

– Не боюсь. За такую красавицу, как ты, все бы отдал.

– И жизнь бы отдал?

– И жизнь, – не задумываясь, кивнул он.

Зазвенел смех, и женщина бесшумно нырнула снова – только круги пошли по воде.

Вынырнула она на середине пруда – покачалась немного на воде, поводила тонкой белоснежной рукой вокруг себя. Волосы вились вокруг прекрасного лица, словно водоросли.

– А ты мне нравишься. – Она говорила негромко, но Николай различал каждое слово. – Не боишься меня... И смерти не боишься. Хотя что ее бояться! Правда?

– Правда! – подтвердил Николай, готовый согласиться со всем, что она скажет.

Странная улыбка пробежала по ее лицу, и женщина тряхнула головой.

– Вот и хорошо. А жизни – жизни ты не боишься? – В голосе ее появилась непонятная тоска, и Николай задумался, прежде чем ответить.

– Жизни-то? – переспросил он. – Пожалуй, что боюсь немного.

– А чего ты боишься, милый?

– Боюсь, что как-нибудь станется не по-моему, а я и сделать ничего не смогу. – Он чувствовал, что неуклюже выразил то, что хотелось, но иначе не мог.

Впрочем, женщина поняла.

– Ах, вот значит, как... А хочешь, я тебе помогу? Я сегодня добрая, хорошая, мне хочется славное дело сделать. – Она глуховато рассмеялась, в глазах снова промелькнули зеленые огоньки.

Николай не понял, как она может ему помочь, но кивнул.

– Только тебе и самому придется потрудиться. – Голос с середины пруда становился тише, так что Николаю теперь приходилось прислушиваться, чтобы разобрать слова. – Запомни меня. Запомни, слышишь?

– Вернись! – взмолился он.

Луна зашла за облака, и он больше не видел ее лица – только силуэт на воде.

– Запомни! – прозвучало снова, но он не был уверен: просит ли об этом прекрасная темноволосая женщина с зелеными глазами, или ему только чудится.

– Я запомню, – пообещал он, ощущая, что вдруг стало тя-

жело дышать. – Только не уходи сейчас, дай еще на тебя посмотреть, хоть секундочку!

В следующий миг она вынырнула из воды возле него, и Николай, вздрогнув, наклонился к ней. Обхватив его за шею холодной рукой – он чувствовал, как стекают капли воды по спине, – она зашептала ему в лицо:

– Посмотрел? Нарисуй меня такой – красивой. Или из глины слепи. А еще лучше – из дерева вырежи. Дерево – оно живое, всю красоту мою сохранит. Запомни, милый: если я у тебя буду, то любое желание выполню.

«Выполню, выполню, выполню...» – отдавалось у него в голове.

Губы близко-близко, белоснежная кожа пахнет тиной, и глаза – как омуты.

– Хочешь – возьми молодую иву, что на том берегу, а старую не трогай. Молодая тебе нужна...

«Нужна, нужна, нужна...» Сладкий запах обволакивает, мысли в голове путаются, и белый цветок уже не манит на середину омута, а отражается в зеленых глазах.

– Только смотри, сделай меня красивой! Получится – загадывай, что хочешь...

«Хочешь, хочешь, хочешь...»

Цветок закрутился, завертелся бешено, вдруг стал огромным – больше луны, больше омута – и опустился на Николая, словно закрыл его белым сладким одеялом. Холодные руки отпустили его шею, и, вскрикнув, он упал без сознания

на росистую траву.

– Слышь, Рай, Колька-тракторист что вытворяет?

– Файки-счетовода муж? Не, не слышала.

– Говорят, до того напился вчера, что жена его только под утро отыскала. В лесу валялся под кустами да кричал чего-то непонятное!

– Ой, попадет ему от Михал Дмитрича!

– Может, обойдется. Все ж выходной сегодня, прогула у него нету. Да и праздник у парня как-никак. Ой, а Фаина-то его по мордасам отлупила, слышала?

– Да ну?!

– Вот тебе и «да ну»! Отходила, говорят, ветками, так что теперь Колька и на улицу показаться не может – вся рожа располосована.

– Пойду Машке Кропотовой расскажу – она небось и не слыхала. Ох, мужики-мужики... Знают, что водка до добра не доводит, – и все равно пьют! Колька, поди, сейчас похмельем мается.

Николай Хохлов не маялся похмельем. Голова его была ясной, и вот уже два часа он занимался очень странным, с точки зрения его жены, делом: вырезал из дерева какую-то игрушку.

Для этого он сходил к Марьиному омуту, срубил молоденькую иву, притащил домой, обтесал от веток и долго рассматривал оставшийся обрубок. Наконец, пробормотав что-то себе под нос, отрубил самую широкую часть и начал вы-

резать.

Фаина ходила вокруг мужа кругами, но Колька – исключительный случай! – на ее упреки не реагировал, а только молчаливо кивал, и лицо у него было замкнутое и отрешенное. Сплетники врали: ни под каким кустом Фаина Николая не находила и ветками его не хлестала, поскольку повода не было: муж пришел домой хоть и поздно, но сам, разговаривать с супругой не стал и сразу лег спать, отвернувшись к стене.

И вот с утра занимался сущей ерундой, пользуясь тем, что на работу не нужно идти.

– Как будто у него по дому дел нет! – громко ворчала Фаина. – Заняться ему нечем: нашел себе игрушку! В детство впал от водки, что ли? Машинку себе стругаешь?

Николай не отвечал. По совести говоря, его молчание и необычное поведение начали настораживать жену: вместе они прожили три года, и Фаина прекрасно знала, что муж за словом в карман не лезет.

– Коль, ты чего делаешь-то, а? – более миролюбивым тоном спросила она, тихонько подходя сзади и рассматривая фигурку женщины. – Господи, никак портрет мой?

Фаина расхохоталась, но подавилась смехом, поймав взгляд мужа. Тот резко обернулся и смотрел на нее взглядом не то презрительным, не то злым.

– Чего это ты на меня так вылупился, а? Чего? Сидит, бабу строгает, еще огрызается!

Николай спрятал заготовку в карман, собрал инструменты и ушел на дальний двор – за погреб. Фаина только головой покачала – нет, вы посмотрите на него!

За погребом он достал фигурку и долго вглядывался в нее. Затем продолжил работать – увлеченно, самозабвенно, забыв обо всем. Николай отродясь ничего не вырезал и не замечал за собой таких способностей, но в это утро в него словно вселилось что-то: он чувствовал дерево, и ему казалось, что нож сам движется в его руках. Он знал, где нужно снять слой толще, а где тоньше, как провести линии, чтобы появились очертания лица. Николай видел, что кукла получается грубоватой, что нос еле намечен, а глаза, наоборот, чрезмерно усилены, вырезаны глубокими провалами – но это было не важно. Самое главное, что в фигурке начало проступать сходство с ночной красавицей, и с каждым движением руки оно становилось все явственней.

Николай пропустил обед, отмахнувшись от жены – сейчас он воспринимал ее как почти незнакомую назойливую бабу, мешающую закончить фигурку, – никак не отреагировал на появление Мишки Левушина, пришедшего разузнать, как дела у приятеля. Николай краем уха слышал доносившиеся до него отголоски скандала – Фаина визгливо выговаривала Левушину что-то об алкоголиках и смерти под забором, – но они задевали Хохлова не больше, чем гавканье собак через пять дворов. Единственное, что имело значение, – фигурка в его руках. Она оживала. Линии ее тела были почти совер-

шенны. Он чувствовал, что получается то, что должно получиться, и его охватывало странное ощущение счастья и тоски одновременно.

К вечеру он закончил. И первый раз за весь день поднял голову, огляделся вокруг.

Солнце садилось, и от деревьев протянулись длинные тени. Вдалеке на дороге мычали коровы, и слышалось пощелкивание кнута Васьки-пастуха.

– Коров гонят... – протянул Николай. – Это ж который час?

– Да не гонят, а пригнали! – Из-за погребца показалась Фаина. – Я уж и Зорьку подоила, пока ты тут... баловался.

Поведение мужа испугало Фаину, и она, подумав, решила не продолжать ссору. Кто его знает, чего ему в голову взбредет!

– Мне-то покажешь, что сделал?

Голос у жены был веселый, почти ласковый, и Николай, поколебавшись секунду, протянул открытую ладонь с лежащей на ней фигуркой.

– Русалка?! – Фаина не верила своим глазам. – Колька, ты что, весь день русалку вырезал?

Ответ был очевиден: на ладони мужа лежала деревянная фигурка русалки – длинные волосы, изгибающийся кверху рыбий хвост, тонкие руки, которыми женщина-рыба обнимала себя. Фаина взяла фигурку, Николай, к ее удивлению, безропотно отдал результат своей работы.

Жена смотрела на игрушку. Нет, это была не игрушка! На первый взгляд грубоватая, маленькая деревянная скульптура поражала красотой и силой, исходившей от нее. В ней чувствовалось что-то языческое – выразить это словами Фаина не умела, хотела сказать «древняя», но споткнулась на полуслове. От русалки пахло свежим деревом и почему-то едва уловимой нежной сладостью.

– Зачем она тебе? – спросила Фаина наконец. – На выставку, что ль, какую?

– Выставку? Да нет, это я так... для себя.

Он протянул руку, и Фаина с большой неохотой отдала фигурку. Она сама не могла объяснить, что ей не нравится, но чувствовала себя так, будто в ее доме появилась чужая баба – молодая, красивая, наглая.

– А ты, оказывается, по дереву вырезать умеешь. Не знала. Руки-то, Коль, у тебя золотые... – Фаина попыталась подластиться к мужу, но тот не ответил: все разглядывал свою русалку. – Смотри, приревную, – полушутя-полусерьезно пригрозила она.

Николай рассеянно глянул на нее, кивнул и пошел к дому.

– Ужинать когда будем? – крикнул он от дверей. – Есть хочется.

– Да вот сейчас и будем, – пробормотала в ответ жена, думая о странной скульптуре. «Ох, не к добру Колька затеял все это».

«Если буду я у тебя – любое желание выполню...»

На село опустилась ночь. Николаю не спалось. Жена уснула, и он осторожно встал, подошел к открытому окну, из которого тянуло ночной прохладой.

– Куда, Коль? – недовольно пробормотала сонная Фаина.

– Спи. Покурить захотелось.

Оделся и вышел на крыльцо. Сторожевой Черныш удивленно поднял голову, посмотрел на хозяина, глухо проворчал и снова положил лобастую башку на лапы.

– И ты спи, – сказал ему Николай, доставая из кармана русалку. «Вот ведь... придумал себе глупость...»

«Разве глупость? – спросил внутренний голос. – Ты ж ее видел своими глазами».

– Так коли глаза были пьяные, много ли с них спросу?

«А как обнимала она тебя – помнишь? Или тоже спьяну почудилось?»

Ощущение холодных рук на своей шее Николай помнил очень хорошо.

– Желанница ты моя... – прошептал он, проводя пальцем по волосам деревянной русалки. – Как проверить-то, а? Как?

Он задумался. Дожив до двадцати пяти лет, Николай имел желания простые и в целом легко осуществимые: чтобы еда была, когда кушать хочется, чтоб было, что выпить с мужиками, да всегда хорошая баба под рукой. Ну, неплохо, конечно, если б работы было поменьше, но Николай понимал: без работы – никуда. Да и машины он любил с детства, а к трактору своему относился едва ли не лучше, чем к жене.

Получалось, что все его желания уже исполнены.

– Как же так? Неужели мне и хотеть нечего? Так не бывает.

Он снова провел рукой по деревянной фигурке и, едва пальцы коснулись ее лица, вспомнил. Оксана! Оксана Копытина, красавица неприступная – вот кого он хотел. Файка ее ненавидела, даром что соседки, запрещала Кольке и голову поворачивать в ее сторону, но дурного слова сказать не могла: все знали, что Оксана своему Гришке не изменяет и держит себя с мужиками строго. Ни глазками поиграть, ни ресницами взмахнуть, ни повернуться игриво.

– Ну, русалка моя, выполняй обещание, – попросил Николай, и веря себе, и не веря. Поднес фигурку к губам и шепнул: – Хочу, чтобы Оксана согласилась... – И несколько слов совсем уж тихо пробормотал.

Ничего не случилось. Николай усмехнулся, покачал головой и сделал несколько нерешительных шагов в сторону соседского дома. Черныш направился было за ним, но хозяин шикнул на него и, как только пес вернулся на свое место, быстро пошел в глубь двора.

Несколько минут спустя он уже стоял возле задней калитки Гришкиного двора. Открыть ее не составило труда – у Копытиных он бывал не раз. Без единой мысли в голове Николай приближался к темному дому, крепко сжимая в руке деревянную русалку.

Лай, раздавшийся слева, чуть не заставил его пуститься в бегство, но тракторист вовремя опомнился. Зверь был в

двух шагах от него и уже готовился прыгнуть, но тут Николай негромко позвал:

– Раздор, Раздор!

Тот застыл на месте, наклонил черную голову и с подозрением смотрел на человека.

– Да ты что, Раздорушка, не узнал меня? Иди, иди, обнюхай. Вот молодец, вот хороший пес! Тихо, тихо, не шуми.

Появление собаки привело Николая в чувство. «Как же я забыл про Раздора-то, а? Во дурак! Ох и хорош бы я был, если б он меня искусал. Мое счастье, что сам Гришка из дому на лай не вышел».

От этой мысли у Николая пробежал по спине холодок. Здравый голос рассудка приказал ему немедленно уходить, приласкав на прощанье чужого сторожевого пса, по глупости и лени не искусавшего соседа, нарушившего неприкосновенность территории. Стоило Николаю принять такое решение, как дверь дома открылась, и на крыльцо шагнул человек.

Только осознание того, что собака все же бросится на него, если он побежит, остановило парня – первым его побуждением было метнуться к калитке. Вышедший человек сошел со ступенек и направлялся в их сторону; Раздор, помахивая хвостом, стоял на месте, и Николай решился: потрепал собаку за ушами, подтолкнул ее к дому – мол, беги, возвращайся – и бесшумно, стараясь не выходить на освещенные луной участки, отбежал к кустам смородины и при-

сел за одним из них. Русалка оттягивала карман, и Николай ругался матерными словами и на себя – за глупость, и на нее – за обман.

Человек подходил все ближе, пока не остановился неподалеку от кустов. «Ой, выдаст меня Раздор, – с тоской и страхом думал тракторист. – Придумать бы хоть что-нибудь...»

Придумать он не успел.

– Раздорка, зачем шумел? – спросил нежный женский голос. – Что случилось, а?

Пес подошел к хозяйке, обернулся на кусты.

– Зачем меня разбудил? Шалишь? Или...

Оксана осмотрелась вокруг, но ничего подозрительного не заметила. Тихий ночной ветер пробежал по кустам, шурша листвой, и она с удовольствием подставила ему лицо.

– Хорошо-то как! – невольно выдохнула она, а в следующую секунду заметила мужчину, поднимающегося из-за куста смородины.

Оксана негромко вскрикнула, но мужчина шагнул на освещенную луной тропинку, и она узнала соседа, Николая-тракториста. Он молча смотрел на нее – рубашка расстегнута, штаны перепачканы в земле, в руке крепко сжимает что-то. Короткие светлые волосы взлохмачены, как шерсть на загривке у Раздора.

– Коля, ты что здесь? – тихо спросила Оксана и тут спохватилась, что сама она в одной ночной рубашке, даже платок сверху не накинула. – Ой!

Она испуганно отступила назад, не сводя глаз с приближающегося соседа. Что-то странное было в его лице... и то, что он молчал... Второй порыв ветра принес с собой сладость – у кого-то из соседей вовсю благоухали цветы, и она глубоко вдохнула зачаровывающий, тревожащий запах.

Почувяв что-то, Раздор глуховато заворчал, но хозяйка провела рукой по его спине, и он успокоился.

– Тише, тише, – шепнула Оксана.

Сосед уже был рядом с ней – высокий, красивый, непривычно незнакомый в свете луны. Она молчала, только попыталась прикрыть руками грудь, которую почти не скрывала легкая ночная рубашка. Николай убрал в карман то, что до этого сжимал в руке, неторопливо, но властно отвел ее руки, мягко провел ладонью по белоснежной коже, обнажил полную, красивую грудь. Оксана стояла не двигаясь, вдыхая его запах, словно опьянев от ночи, ветра, аромата цветов и мужчины, ласкавшего ее. Он снял с нее рубашку – или она сама сняла ее? – сбросил свою – или она раздевала его? – мягко заставил опуститься вниз. Ощутив сильное мужское тело, Оксана закрыла глаза и негромко застонала, выгибаясь.

Раздор постоял немного, глядя на белые обнаженные фигуры людей и прислушиваясь к их стонам, и, зевнув, улегся на траву.

Когда Николай вернулся домой, его трясло мелкой дрожью. Усилием воли он заставил себя успокоиться хотя бы внешне, но внутри бушевала буря.

«Получилось! Все получилось!»

Он не мог выпустить из рук русалку, все поглаживал фигурку, а в памяти всплывала Оксана с запрокинутым лицом, полуоткрытыми влажными губами.

«Сбылось! Только загадал – а оно сразу же и сбылось... Господи, вот счастье-то привалило. Вот счастье-то...»

Он поглядел на мирно спящую Фаину – полноватую, с русыми волосами, выбившимися из косы, которую она всегда заплетала на ночь. Некстати вспомнилось ему, как яростно она требовала называть ее бухгалтером после того, как Нина Никитична взяла ее помощницей в бухгалтерию сельсовета, и очень обижалась на «счетовода».

«Пообижайся еще на меня, – злорадно думал Николай, – Мигом загадаю что-нибудь... эдакое. Я теперь все могу! Все, что ни захочу, – все сбудется! Эх, жизнь-то настанет красивая, счастливая. Хотя вроде бы она и сейчас неплохая...»

Он сел возле окна и задумался. Жизнь у него, как ни крути, и в самом деле неплохая. На первый взгляд. Мужик он молодой, красивый. Дом есть, жена имеется, с кем выпить – тоже. Чего еще можно пожелать? Чтоб председатель лаялся меньше? Чтоб Фаина стала поспокойнее, перестала его под каблуком держать? Чтоб отец с матерью скандалить, наконец, прекратили? Так они люди взрослые, сами разберутся. Может, чтоб Файка мальчишек ему родила? Так это и без всяких желаний осуществиться может, дело нехитрое.

Смутно казалось Николаю, что думает он не о том, и от

этого он сердился на самого себя. «Неужели нечего мне загадать русалке? Получается, я счастливый человек?»

«А тебе нравится, как ты живешь? – шепнул неясный голос внутри. – И ты ничего не хотел бы поменять? Так до старости и хочешь – с утра до вечера на тракторе, с вечера до утра – на Фаине? И все?»

Николай поднял глаза – небо начинало светлеть, над горизонтом пролегла светло-золотистая полоса. Длинное розовое облако замерло над ней. Ему представилось, что он плывет на корабле и видит очертания незнакомой земли, и его охватило необычное чувство – что-то сродни упоению жизнью, какое он испытывал подростком и давно уже позабыл. Он представил себе вышину, на которой жило облако, и неожиданно осознал, как убоги его желания, ограниченные представлениями о родном селе и колхозе, в котором он работал с утра до вечера.

– Антарктида, – произнес Николай запомнившееся еще со школы, пробуя слово на вкус и ощущая в нем ледяную колючесть снега. – Гренландия.

Деревянная русалка нагрелась в его руке и своей тяжестью напоминала о том, как быстро сбылось загаданное им всего несколько часов назад. Границы его мира раздвигались, и хотя Николай и не мог оформить свою мысль в слова, но понимал – можно загадать желание, которое перевернет всю его жизнь. Всю!

– Эверест покорить, – бормотал он, не отрывая глаз от

облака. – Бросить все, уехать, зажить новой жизнью.

«А Фаина? – спросил внутренний голос. – А Мишка Левушин? А мать, отец?»

Николай задумался, но только на секунду, и этой секунды ему хватило, чтобы понять: он готов бросить их всех, выкинуть из головы, зажить так, как и должен жить мужик – чтобы дело было стоящее, мужицкое, чтобы бабы вокруг падали, чтобы деньги текли рекой. И не один колхоз при селе Кудряшове знал Николая Хохлова, а многие сотни людей. Да что сотни – тысячи!

«А что плохого? – горячо говорил он самому себе. – Славы хочется? Так кому ее не хочется! Ведь дожил же я до двадцати пяти лет, ни о чем таком не думал, и тут – на тебе! Может, затем оно все и случилось, чтобы я прославился, знаменитым человеком стал? Разве я не могу? Могу ведь! Могу!!!»

Первый раз за все время, прошедшее со встречи возле Марьиного омута, Николай улыбнулся, и в его улыбке было предвкушение счастья.

Глава 3

Когда она вышла из подъезда, Илюшин окончательно уверился в том, что никакой ошибки не было. Зинаида Яковлевна Белова, которую все считали погибшей, стояла возле дома с ведром в руке, живая и, по всей видимости, невредимая.

Ей было около шестидесяти. Полное одутловатое лицо, которое хорошо помнил Макар, и в самом деле мало изменилось за пятнадцать лет – только постарело и еще больше располнело. Жидкие седые волосы заколоты ободком, на ногах – разношенные уличные тапочки, на спортивную куртку сверху для тепла надета шерстяная кофта. «Для журналиста она принарядилась, потому и выглядела хорошо, – понял Макар. – А теперь вернулась к привычной одежде».

– Зинаида Яковлевна! – позвал он, выходя из тени дерева.

Она вздрогнула, испуганно посмотрела на него. А затем недоумение в ее взгляде сменилось узнаванием, и Белова сделала то, чего Илюшин совершенно не ожидал, – отбросив ведро с загремевшим в нем совком, тяжело и неуклюже побежала обратно к подъезду.

Секунду Макар, замерев, смотрел ей вслед, словно увидел что-то неприличное, а затем рванул за ней. И не зря – Белова успела набрать код на двери и уже пыталась открыть ее. Когда она услышала шаги за спиной, то вскрикнула и обернулась, прижавшись спиной к захлопнувшейся двери и вы-

ставив перед собой руки, словно защищаясь от удара.

– Здравствуйте, Зинаида Яковлевна, – сказал запыхавшийся Макар, останавливаясь в шаге от нее. – Вижу, вы меня узнали.

– Иди... – прошептала она. – Иди отсюда! Не знаю тебя, никогда не видела!

– Видели, видели. Напомнить, когда? Когда я вам одежду отдавал в институте каждое утро. Я – друг Алисы Мельниковой, которую убили в девяносто третьем году. Помните ее, Зинаида Яковлевна? А как ее убивали, помните? Как ее ножом ударили?!

Она отчаянно замотала головой. Ободок слетел. Макар, не задумываясь, наклонился, чтобы поднять его, и Белова внезапно обрушилась на него сверху всем весом – вслепую замолотила по его голове кулаками, прижимая Илюшина к асфальту. Тот вывернулся, и женщина упала и осталась сидеть, всхлипывая и прижимая руки к лицу.

– Это вы убили Алису? – спросил Макар, вытирая кровь, закапавшую из носа, – Зинаида Яковлевна исхитрилась сильно ударить его по переносице.

Он не удивился бы, если б Белова кивнула в ответ. Он уже ничему не удивлялся. Бабкин выяснил, что старик-инвалид, свидетель преступления, давно умер, а значит, они не могли проверить, правду ли он сказал Илюшину. Теперь, увидев гардеробщицу живой, Макар не исключал, что вся история с бандитами и случайными жертвами оказалась выдумкой.

– Уйди, а? – попросила женщина. – Не убивала я никого! Уйди!

– А кто убил? – Илюшин присел рядом с ней на корточках. – Зинаида Яковлевна, кто убил Алису? И как вы остались живы? Кстати, вас по-прежнему зовут Зинаидой Яковлевной?

Она бросила на него взгляд, в котором страх смешался с ненавистью, и Макар не выдержал.

– Или вы рассказываете мне, как было дело, – сухо сказал он. – Либо я сдаю вас милиции. Пойдете соучастницей преступления.

Он не очень верил в то, что слова о соучастии подействуют. Но оказался не прав.

– Нет... не было никакого соучастия, – выдавила Белова сиплым голосом. – Я их боялась... думала, что убьют. Поэтому и уехала.

– Кого вы боялись?

– Их... Всех троих. С них бы случилось. Они с детства...

– Кого?!

Белова перевела взгляд Макару за спину, лицо ее исказилось, и она начала медленно заваливаться на бок. Губы ее посинели, руки судорожно дергались, пытаясь найти что-то рядом...

– Где лекарство? – быстро спросил Илюшин, наклоняясь к ней, но Белова уже ничего не могла ответить.

Быстро обхлопав ее карманы и убедившись, что никакого

лекарства в них нет, Илюшин выхватил телефон и набрал номер «Скорой помощи».

– У нее сердечный приступ, – сообщил Макар, вернувшись из больницы, куда увезли Белову.

Бабкин нахмурился, покачал головой.

– И она ни при чем, – добавил Илюшин.

– Почему ты так решил?

– Она всех панически боится. А больше всего – тех, кто убил Алису.

– Подожди... Ты говорил, что все участники банды погибли.

– Вот то-то и странно. Я не успел ничего узнать у Беловой, но одно очевидно: она знала нападавших. Сказала, что с них бы случилось, потому что они с детства... А что с детства, сказать не успела. Понимаешь?

Сергей кивнул:

– Это могло бы объяснить, почему ее оставили в живых. Она знала убийц, и по какой-то причине те ее пощадили.

Он походил по комнате, раздумывая, затем повернулся к Илюшину, сидевшему с непривычно серьезным выражением лица.

– Надо поднимать архивные материалы по той банде, – сказал он. – И узнавать, где жила и чем занималась Белова. Этим я займусь. Извини, Макар, тебе придется пока ждать результатов – это будет не скоро.

Илюшин помолчал, поднял на Сергея серые глаза.

– Спасибо, Серег. Я тебе очень благодарен. Чем я могу помочь?

«Ты можешь стать прежним довольно вредным Макаром, – мысленно ответил Бабкин. – Говорить мне „мой нетопливый друг“ и всячески подчеркивать свое превосходство. Мне, оказывается, легче иметь дело с таким Илюшиным, чем с тем, который сидит сейчас передо мной и проживает заново то, что случилось пятнадцать лет назад».

– Ты можешь вспомнить все, что знаешь о Беловой, – вслух сказал он. – Это пригодится при поисках.

* * *

Получив в конце месяца зарплату и произведя нехитрые подсчеты, Катя почувствовала себя человеком, сражающимся со снежной бурей. Как будто мигом закрутило, завывло, темнотой заволокло небо, а она попыталась поставить перед метелью нехитрую преграду. Скажем, фанерку. И спрятаться за ней в надежде, что все обойдется.

«Лучше бы голову сунула в песок, как страус, – зло говорила себе Катя, плетясь очередным промозглым московским утром на работу. – Господи, что же придумать?»

Придумать что-то было необходимо, потому что денег, заработанных ею, еле-еле хватало на еду. Расписав вместе со свекровью предстоящие расходы, Катя ужаснулась: сколько же ей надо зарабатывать, чтобы обеспечить им жизнь?

Мысль о том, что молодая девушка вряд ли может с первого месяца работы получать достаточно, чтобы прокормить, кроме себя, своего мужа и его родственников, не пришла ей в голову.

Седа предложила сэкономить на еде и покупать быстрорастворимые супы и каши, но Катя покачала головой: тогда спустя короткое время к их тратам добавится дополнительная – на врача. К тому же Артур – мужчина, ему нужно мясо. А еще они должны платить за электричество, купить ей, Кате, обувь, приобрести проездной... Как же люди выживают на такую зарплату?

– Тебе нужно найти другую работу. – Седа решала проблему просто. – И не транжирить деньги на орехи. Мы, в отличие от тебя, изюм с курагой не едим!

Катя потеряла дар речи. Дело было в том, что ей пришлось придумать, чем перекусывать на работе, чтобы к концу дня не терять сознание от усталости и голода. Обед в кафе по понятным причинам отпадал. Пару раз она пыталась покупать беляши у торговок, но после того, как ее чуть не стошнило от мерзкого запаха и вкуса жирного теста, с которого на пальцы стекало масло, отказалась от этой затеи. В конце концов Катя приспособилась: купила на развес орешки и сухофрукты, разделила на семь порций, разложила по пакетикам. Один пакетик, из которого она таскала свои беличьи припасы в течение дня, позволял ей не чувствовать себя голодной. Катя очень радовалась своей идее и пару дней назад рассказала об

этом мужу. Получается, Седа слышала их разговор.

– И чем же ты мне предлагаешь обедать? – спросила наконец Катя.

– Ты можешь брать с собой суп. Купи термос, вот и все.

Стряпню Седы Катя терпеть не могла, а перспектива самой варить суп, придя с работы, ее не прельщала. Представив же себя, сидящей на мокрой скамейке и хлебающей пластиковой ложкой суп из термоса, она засмеялась. Сестра мужа вскочила и быстро вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Утром Катя брела к метро, размышляя, где еще можно заработать денег. При ее графике работы получалось, что больше нигде.

– Антуанетта, не ходи туда, малышка, – услышала она и обернулась. – Там грязно, девочка моя.

В трех шагах от Кати бегала малюсенькая собачка, похожая на ожившую игрушку. Тельце ее укутывал малиновый комбинезон, волосики на голове были собраны в хвостик и перехвачены малиновой же резинкой. Лапки у собачонки дрожали, она нервно водила мордочкой и принюхивалась.

– Ах ты маленькая! – восхитилась Катя, присев на корточки возле игрушечного зверька. – Замерзла?

К собачке семенил такой же маленький и аккуратный старичок. Голова у него была вытянутая, как яйцо, и совершенно лысая. «И не холодно ему без шапки в такую погоду?» – подумала Катя.

– Антуанетта! – строго сказал он. – Ты опять нападаешь

на людей?

– Что вы, она не нападает! – Катя не сдержалась и фыркнула, представив существо в малиновом комбинезоне нападающим на нее.

Собачонка ткнулась Кате в ладонь мокрым носом.

– Надо же, – удивился ее хозяин. – Здоровается! Вообще-то она у меня строптивая особа.

– А что это за порода?

– Йоркширский терьер. Подарили мне ее, и теперь не знаю, что делать. Требуется прогулок два раза в сутки, мелочь эдакая! Хотя и маленькая, а все ж собака, тем более – терьерчик! Вечером я с ней гуляю, и даже не без удовольствия, но вот утром... – Старик поежился, сдержал зевотку. – Хочется сидеть дома. Пить кофе, греть старые кости, а не ловить эту мадемуазель по всем дворам.

Собачка забавно сморщила нос и чихнула.

– Будьте здоровы, Антуанетта, – улыбнувшись, сказала Катя и встала, собираясь уходить.

– А еще все эти стрижки, тримминги, – продолжал ворчать старик. – Мастер для того, мастер для этого... Кормить ее, видите ли, надо особенным кормом! Витамины покупать и поводок не абы какой, а удобный! Но все бы ничего, если бы не прогулки.

– До свидания, – вежливо сказала Катя старику и кивнула собачке. – Может быть, еще увидимся.

– А вы где-то неподалеку живете?

– Вот в этом доме, в первом подъезде, – показала Катя и сразу испугалась, не сказала ли чего лишнего.

Тем более что старик наклонил голову и смотрел на нее с любопытством.

– Неужели? Отчего же я вас раньше не видел?

– Я только недавно переехала, – пробормотала девушка. – А не видели, наверное, потому, что я работаю. Утром рано выхожу из дома.

– И во сколько же вы выходите?

– Около восьми. – Голос Кати прозвучал сдержанно, потому что расспросы и вовсе перестали ей нравиться.

Старик помолчал, провел рукой в черной замшевой перчатке по своей лысине.

– А что вы скажете, если я предложу вам прогуливать Антуанетту? – неожиданно спросил он. – Найму вас, так сказать, на работу? А?

Опешившая Катя посмотрела на него. Хозяин собачонки не шутил.

– Будете забирать ее из моей квартиры, скажем, без двадцати восемь, и к восьми возвращаться. Но обязательно каждый день, и в выходные тоже!

– А... а сколько вы хотите платить? – осторожно спросила Катя.

– Сколько хочу? – старичок неожиданно расхохотался басом. – Я, конечно, нисколько не хочу. А вот сколько буду... Положим, тысячу в неделю. Вас устраивает?

Катя секунду подумала и кивнула. «Тысяча в неделю! Еще бы меня не устраивало!»

– Вот и отлично. Жду вас завтра, милая...

– Катя.

– Милая Катерина, в восьмидесятой квартире. Восьмой этаж. А подъезд ваш, разумеется. Я тоже там живу.

Он хихикнул, сделал прощальный жест рукой и, подхватив йорка, направился к дому.

Днем, доставив очередной заказ, Катя позвонила маме и вдохновенно наврала, что они с Артуром нашли в Москве институт, в который можно перевестись из ее собственного, ростовского. Мама удивлялась, ахала, не верила, но в конце концов дочь убедила ее.

– Ты там поосторожнее, в Москве-то, – попросила мать. – Как ты там? Так быстро уехала, звонишь раз в неделю...

– Мамочка, так дорого же! А тут столько всего интересного! Мне здесь очень нравится!

– Ну слава богу. Все, Катюша, деньги экономь. Звони сама! Целую.

– Целую, – повторила девушка в трубку, из которой уже неслись гудки.

Быстро идя по переходу метро, в котором под ногами хлюпала грязь, Катя повторяла про себя, как мантру: «Мне здесь очень нравится. Мне здесь очень нравится». Вокруг нее быстро шли серые люди, и лица идущих навстречу были такими же мрачными, как у тех, кому только предстояло

спуститься в подземку.

Катю толкнули в плечо, и она выронила сумку. Клапан раскрылся, изнутри вывалились записная книжка, расческа, пакетик с остатками орешков и сухофруктов, ключи, еще что-то... Ахнув, Катя присела на корточки и принялась выуживать из грязного месива свои вещи. Мир вокруг нее теперь состоял из одних ног – некоторые огибали ее, некоторые не давали себе труда изменить маршрут. Кто-то прошелся по ее сумке, кто-то случайным движением ноги отшвырнул кошелек к стене...

– Да смотрите же вы, куда идете! – не выдержала Катя.

На нее никто не обратил внимания. Толпа двигалась в том же темпе, и Катя только пару раз поймала на себе брошенные вскользь безразличные взгляды. Собрав, наконец, все вещи и перепачкав куртку и джинсы, Катя отошла в сторону, сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Что за мерзкий, равнодушный город! Что за отвратительные, равнодушные люди!

Проходящий мимо пожилой человек с удивлением взглянул на красивую темноволосую девушку, сжимавшую в руках перепачканную сумку и бормотавшую себе под нос:

– Я не стану такими, как вы. Я никогда не стану такими, как вы.

Диана Арутюновна потушила сигарету, открыла форточку. «Пусть проветрится. Катька придет, опять начнет нос морщить, а от нее слишком многое зависит, чтобы сердить девчонку по пустякам. Достаточно Седы – и так, бедная, еле

сдерживает раздражение».

Диана Арутюновна тяжело вздохнула – она могла понять дочь, вынужденную сидеть взаперти целыми днями. Выехать никуда нельзя, прогуляться нельзя. Седа, правда, от безделья особенно не страдает, целыми днями волосы расчесывает да распевает или с братом болтает. Вот Артуру их добровольное заключение куда больше в тягость, но он парень взрослый, понимает: сам виноват, самому и расхлебывать.

– Ничего, ничего, – себе под нос пробормотала женщина. – Не так много времени нужно, а пока Тигран что-нибудь придумает.

Из окна она увидела группу подростков, стоявших возле подъезда. Черные куртки, капюшоны на головах. Один из парней поднял голову вверх, и она увидела неприятное лицо – с глазами, глубоко сидящими под надбровными дугами, кривым тонкогубым ртом. Подросток сплюнул, и Диана Арутюновна поспешно пряталась за занавеску.

«Слишком часто они стали здесь собираться. Хорошо, что Артур не выходит из дома».

«А Катерина?» – спросила ее собственная совесть.

«А что Катерина? Она русская, выкрутится, если пристанут. Убежит в крайнем случае».

Успокоенная этим соображением, совесть Дианы Арутюновны затихла.

Со следующего дня, а точнее, утра, Катя начала гулять с йоркширским терьером Антуанеттой, а попросту – Тонькой.

Она специально зашла к хозяину собачонки пораньше, чтобы получить инструктаж, но старик тут же выпроводил ее на прогулку. Зато двадцать пять минут спустя Катя получила приглашение на чашку горячего кофе и с удовольствием приняла его. Заодно познакомилась ближе со своим новым работодателем.

Олег Борисович Вотчин представился коллекционером-любителем. Одевался он своеобразно: вельветовые брюки, коричневый замшевый пиджачок, шелковый платок песочного цвета вокруг короткой шеи, на которой сидела яйцеобразная голова. Лицо у Олега Борисовича было гладким, несмотря на почтенный возраст («Мне ведь, Катерина, шестьдесят восемь лет не так давно исполнилось»). Такой же гладкой была и блестящая лысина. Весь он напоминал переležавший на солнце кабачок, который потемнел, словно его покрыл загар, и нарастил толстую кожуру. «Кабачок в пиджачке», – подумала Катя, с интересом наблюдая за Вотчиным.

Он был очень подвижен, быстро перемещался по квартире и требовал, чтобы Катя ходила за ним со своей чашкой кофе. Катя охотно согласилась и слушала Олега Борисовича, открыв рот. Таких квартир она никогда не видела. На стенах висели картины – без всякого порядка, без подсветки, и Вотчин то и дело хватал одну из них со стены, подносил к окну и что-то показывал, горячо объяснял. Многочисленные полки были заставлены статуэтками, расписными блюдами и блю-

дами, шкатулками, фигурками необычных зверей и птиц... В одной комнате вся стена была увешана иконами в темных окладах, и Катя, приглядевшись, поняла, что иконы очень старые.

– Откуда у вас это все, Олег Борисович? – спросила она.

– Собирал, Катерина, долгие годы собирал! Я ведь эксперт по реставрации памятников архитектуры периода... А впрочем, вам это неинтересно.

– Что вы, как раз наоборот! Очень интересно!

Она взглянула на часы и спохватилась: пора выходить. Заметив ее взгляд, старик понимающе закивал.

– Я вас совсем заболтал. Если завтра зайдете чуть пораньше, покажу вам кое-что очень, очень интересное. Ручаюсь, многих вещей вы не только никогда не видели, но даже и не представляли, что такие бывают.

Уже в дверях Катя вспомнила кое-что и обернулась.

– Олег Борисович, а вы не боитесь показывать мне вашу коллекцию? Ведь вы меня совсем не знаете, только вчера встретили... И сразу предложили с Антуанеттой гулять. А вдруг я мошенница? Недобросовестный человек?

Тот рассмеялся и пренебрежительно махнул рукой.

– Да что с того, что только вчера! У вас, деточка, все на лице написано. Я, уж простите за нескромность, научился в людях разбираться за целую жизнь. А если бы и не научился...

Он сделал эффектную паузу.

– Тогда что? – не выдержала девушка.

– Тогда она бы мне обо всем рассказала.

Он кивнул вниз. Под ногами у Кати стояла Антуанетта и смотрела на нее выпуклыми карими глазами.

– До завтра, ваше высочество. – Катя наклонилась и погладила шелковистую шерстку.

– Бегите, бегите на службу! Жду вас утром, не опаздывайте. А, кстати, кем вы работаете?

– Курьером.

– Курьером? Да что вы? Такая молодая воспитанная девушка – курьером? Нет, я ничего не понимаю в этой жизни!

– Почему же, Олег Борисович?

– Вам, милая девица, нужно работать в солидной фирме как минимум секретарем. Или, как сейчас принято говорить, референтом. У вас образование имеется?

– Неоконченное высшее, – кивнула Катя.

– По-русски пишете грамотно?

– Конечно.

– Так ищите приличную работу. А то – курьером! – Он фыркнул, поправил желтый платок. – До свидания, Катерина.

Вечером Катя возвращалась домой, и из головы у нее не выходили слова нового знакомого: «Ищите приличную работу...»

У соседнего подъезда ошивалась компания парней. До Кати донеслись мат и смех. «Олег Борисович кажется вполне

состоятельным человеком. Интересно, почему же он живет в таком ужасном районе?» Она ускорила шаг и со страхом заметила, что при ее приближении парни замолчали. Один из них что-то негромко сказал вполголоса, ему ответили, и снова засмеялись. «Пройти бы поскорее».

Катя шмыгнула в свой подъезд, закрыла тяжелую дверь с кодовым замком и перевела дух. «Действительно, нужно устроиться на новое место. И не курьером, а на нормальную офисную работу. Тогда мы сможем снять квартиру в другом районе, и мне не придется шарахаться от таких компаний. Надо посоветоваться с Артуром».

К большому Катиному удивлению, муж ее решение не одобрил.

– Сдалась тебе такая работа, – пробормотал он с акцентом. – Секретарша! Ха!

– Не секретарша, а секретарь. Почему «ха»?

– А то ты не знаешь? – Артур прищурился, и его лицо стало злым.

– Не знаю. Объясни, пожалуйста.

– Объяснить? А ты у нас такая маленькая, сама не понимаешь? Хорошо. Потому что секретарш все...

Он сказал, что делают с секретаршами, и Катя покраснела. Она не слышала раньше, чтобы муж матерился.

– Артур, что с тобой! Ты так говоришь, будто я собираюсь проституткой работать!

– Разве есть разница?

Катя помолчала, затем встала и вышла из комнаты. Из гостиной доносились голоса Седы и Дианы Арутюровны, поэтому она ушла в кухню, села на свое привычное место – на подоконник – и принялась рисовать рожицы на стекле. Когда она пририсовывала третьей печальной рожице заячьи уши, в дверях появился Артур.

– Котенок, не обижайся, – попросил он. – Мне и представить страшно, что ты будешь чужим мужикам приносить кофе и их распоряжения выслушивать. Ревную я тебя, понимаешь? Дорогая моя, мне так тяжело от мысли, что ты станешь для кого-то девочкой на побегушках!

Он улыбнулся, но на сей раз его улыбка не достигла цели.

– А сейчас тебе не тяжело от мысли, что я девочка на побегушках, которая с утра до вечера носится по Москве и развозит заказы? – поинтересовалась Катя без улыбки. – А, милый?

– Это совсем другое!

– Да, – покладисто согласилась она. – Это совсем другое. Сейчас я курьер. Я – никто. Мне негде поесть, у меня мерзнут ноги и попа, я за день посещаю два десятка чужих квартир. Я таскаю на плече тяжеленную сумку с детскими пирамидками и деревянными барашками. Ругаюсь, когда нет сдачи, и бегу разменивать хозяйские купюры в ближайший магазин. Если меня возьмут работать в офис, я забуду об этом, как о страшном сне. И мне плевать, кем – хоть уборщицей! А если согласятся принять секретаршей, я буду просто счаст-

лива!

Она сама не заметила, как повысила голос.

– Не кричи на меня, ты!

Катя закрыла рот и посмотрела мужу в лицо. Артуру показалось, что карие глаза жены потемнели.

– Я тебе не «ты»! – отчеканила она, спрыгнула с подоконника и ушла в их комнату.

Артур вполголоса выругался на родном языке. Вот что Москва с людьми делает! Привез девочку – мягкую, уступчивую, ласковую... И что спустя месяц? Пререкаться начала, да? На мужа голос повысила, огрызается!

Он походил по маленькой кухне, припоминая все, чем раздражала его Катя последнее время. Вспомнил: «По ночам не любовью с мужем занимается, а к стене отвернется – и засыпает за две секунды. Я, конечно, понимаю: устает на работе, тяжело ей. Но и она меня понять должна: я мужик молодой, мне женщина нужна! А теперь, значит, надумала в секретарши пойти...» Заведя себя перечислением прегрешений жены, Артур решительно направился в комнату, где беседовали мать с сестрой.

Катя слышала из-за двери сначала возмущенный голос мужа, быстро говорившего что-то по-армянски, затем короткую фразу Седы и сразу – успокоительное бормотание Дианы Арутюновны. Она не понимала ни единого слова, но не сомневалась, что ее свекровь увещевает собственного сына. Артур воскликнул что-то, и вдруг бормотание его матери

из успокоительного стало угрожающим. Она повысила голос, затем раздался хлопок по столу. Седа что-то пискнула, но тут же замолчала.

«Да что у них там? Неужели скандалят?»

Но голоса уже затихли. Катя прислушалась и услышала шаги. Дверь распахнулась.

– Я подумал. И вот что решил, – бесстрастно сказал Артур. – Ты права. Попробуй найти новую работу. Спокойной ночи.

Он колебался, но в конце концов подошел к кровати и наклонился, чтобы поцеловать жену. Катя очень обрадовалась, что их странная короткая ссора закончилась, обняла его, потянула к себе, начала раздевать, быстро целуя то в шею, то в подбородок. Артур скинул джинсы, забрался под одеяло, прильнул к ней худощавым мускулистым телом, положил ладони на Катину грудь. Ее кольнула неприятная мысль о том, что муж не сам принял решение о примирении, а его заставила мать, но в следующую секунду Катя прогнала ее. Какая разница? Главное, что они помирились.

Олег Борисович заварил себе кофе, приласкал Антуанетту, остановился у окна. Что за погода стоит последние годы! Видно, не врут о глобальном потеплении. Что ни осень, так сюрпризы, а про весну и говорить нечего.

Он глянул на часы – скоро придет Катерина. Подумав о девушке, Вотчин довольно усмехнулся. Приятно пустить пыль в глаза, что ни говори! Девочку-то он еще две недели назад

заприметил, вот только она не обращала на него внимания. Бежит на работу чуть свет, возвращается поздно. Одета бедненько, хоть и чистенько – курточка одна и та же, ботиночки одни, джинсы старые, потертые на коленях. А личико у девушки славное – скуластая, темноволосая, глаза большие и темные, как вишни. Очень хорошенькая девушка, что тут говорить! И разговаривает вежливо.

«Бедненькие чистенькие порядочные девушки – это просто сокровища!»

– Где бы я лучшую кандидатуру нашел, скажи на милость? – обратился Вотчин к собачке. – Вот то-то! А самое главное – ты ее одобрила, моя прелесть! Да, умница моя. Антуанетточка!

Звонок в дверь возвестил о том, что его сокровище пришло вовремя.

Приведя Антуанетту с прогулки, Катя снова получила приглашение на чашку кофе. Она уже поняла, что хозяин одинок и ему нравится показывать свою коллекцию, составленную по непонятному принципу. А может, ему просто хотелось хотя бы короткое время не быть одному. Как бы то ни было, Олег Борисович Кате нравился, да и слушать его было интересно.

– Если у вас есть пять минут, юная леди, то посмотрите внимательнее на эту картину. Меня, как я вам говорил, интересовали не просто редкие или ценные предметы искусства, но обязательно предметы с историей. Вы, может быть, поду-

мали, что я просто приобретал все мало-мальски ценное, что встречалось мне в моих поездках? Подумали, я же вижу! Но вы ошиблись, Катерина, ошиблись! Вот послушайте об этом пейзаже...

Пока хозяин рассказывал о картине, Катя стояла возле полки, на которой были расставлены разнообразные деревянные статуэтки. День с утра выдался на удивление солнечным для осени, и лучи освещали причудливые фигурки, добавляя им жизни. Ее внимание привлекла одна из них – даже не статуэтка, так, игрушка. Очень просто вырезанная русалка, обхватившая себя руками. Фигурка была размером чуть больше Катиной ладони. Она наклонилась к фигурке, на секунду перестав слушать Олега Борисовича и всматриваясь в темные впадинки глаз. «Странно. Такое ощущение, будто у русалки есть глаза и она меня видит».

Катя совсем перестала слышать Вотчина, удивленная игрой собственного воображения. Нос не вырезан, а чуть намечен двумя линиями, губы тоже прорезаны как будто небрежно. И при том создается впечатление, что русалка улыбается, и улыбается именно ей. А волосы? Копна мокрых вьющихся волос («Темно-каштановых», – почему-то решила Катя) – но ведь ее нет, этой копны. Есть только волнистые очертания.

– Ах, вот чем вы заинтересовались! – сказал Олег Борисович прямо над ее ухом. Катя вздрогнула и чуть не стукнулась головой о верхнюю полку – она и не заметила, что наклонилась к русалке так близко! – Да, вот уж эта красавица

и впрямь с историей, да с такой, что не сразу поверишь. К тому же она магическая.

– Магическая?

– Ну да, – кивнул старик. – Исполняет желания. Что вы так на меня смотрите, Катерина? Это самая настоящая кукла-желанница – вы слышали о них?

Катя отрицательно покачала головой, думая, не сбежать ли ей от старика, сошедшего с ума среди своих сокровищ, или все-таки дожидаться первой заработанной тысячи и только потом исчезнуть.

– Признаться, это единственная желанница в моей коллекции и к тому же единственная когда-либо виденная мною деревянная кукла. Ведь по обычаю желанниц мастерили из берестяных палочек. Обматывали тряпочками, тряпочки перевязывали ниточками – вот и готова вещица. И ни в коем случае не пользовались иглками при изготовлении!

– А... зачем их делали?

– Как зачем? Чтобы желания исполняла.

Посмотрев на Катину лицо, Вотчин рассмеялся.

– Дорогая моя, я не сошел с ума! Но неужели вы и в самом деле не знаете об этой старой традиции? Это кукла-оберег, ее прятали и никому не показывали. Желанница должна быть тряпичной, потому что для исполнения желания ее украшали – бусинкой, красивой ниточкой. Потом подносили к зеркальцу или к воде, чтобы она увидела свое отражение, и приговаривали что-то вроде: я тебя украсила, а ты исполни

мое желание. Обязательно представляли сбывшуюся мечту во всех подробностях. И ждали, когда она и в самом деле сбудется. Но чтобы желанницу вырезали из дерева – это я только в Кудряшове видел.

– Почему же вы решили, что русалка – именно желанница? Может быть, просто кто-то вырезал из дерева куклу, вот и все.

Олег Борисович стал серьезным.

– Нет, Катерина, не все. Этой русалке люди желания загадывали, и она их исполняла – об этом мне достоверно известно.

– Так-таки исполняла? – усомнилась Катя.

Старик усмехнулся.

– А вы попробуйте. Пожалуйста, пожалуйста... Раз вы не верите... Сами убедитесь.

Катя осторожно взяла деревянную фигурку в руки.

– И что нужно сделать? – улыбаясь, спросила она. – Произнести заклинание? Трижды плюнуть через левое плечо? Вырвать волосок из брови и порвать на сто четыре кусочка?

– Думаю, произнести желание будет вполне достаточно. Сам-то я никогда ничего не загадывал, но прежний владелец именно так мне и объяснял.

Девушка провела пальцем по гладкому дереву. Задумалась на секунду, затем представила, что она нашла новую работу, и мысленно попросила русалку помочь ей. «У меня самой не получится, – словно оправдываясь перед фигуркой,

сказала Катя. – Помоги, пожалуйста!»

Осторожно положила фигурку обратно на полку с ощущением, будто только что сделала большую глупость и выставила себя смешной перед Вотчиным. И тут спохватилась:

– Подождите, Олег Борисович! Вы сказали, что никогда не загадывали желание этой русалке?

– Нет, никогда.

– Так все-таки вы не верите в нее? – Катя укоризненно покачала головой, ожидая насмешки от хозяина.

– Верю, – старик был совершенно серьезен. – Как ни странно, верю. И те люди, которым она принадлежала, тоже верили.

– Но тогда... почему?

Вотчин помолчал, затем неохотно признался:

– Вы можете смеяться надо мной, юная леди, но я берегу свое желание. Смотрю иногда на эту красавицу и мечтаю – загадать бы что-нибудь эдакое! А потом думаю: вдруг она только одно желание исполняет? И что тогда? Волосы на себе рвать буду, что не поберег его!

Он комичным жестом вырвал воображаемый клочок волос из блестящей лысины, и Катя рассмеялась. Она так и не поняла, шутил Вотчин или говорил всерьез, но до конца дня вспоминала ощущение в ладони, когда она держала русалку.

Ей казалось, что фигурка была теплой.

Глава 4

Бывший коллега Бабкина сработал быстрее, чем ожидалось, и теперь данные лежали на столе перед Сергеем и Макаром.

– Девять налетов за три месяца? – протянул Сергей. – Восемь смертей... И попались на какой-то глупости. Странно.

Илюшин молча кивнул.

Документы, поднятые из архива, рассказывали, что банда, состоящая из трех человек, с марта девяносто третьего года по май того же года совершила девять нападений в разных районах Москвы. Грабители действовали во всех случаях одинаково нагло: двое из них днем приходили в выбранную квартиру, звонили в дверь, представлялись залитыми соседями снизу и, дождавшись, когда им откроют, заталкивали хозяев внутрь. Затем очень быстро изымали имеющиеся ценности и убегали. Третий сообщник ждал внизу, в машине. Если хозяин оказывал сопротивление или не признавался, где хранит деньги, его убивали: в трех квартирах были найдены тела пенсионеров, забитых до смерти.

Налеты продолжались до тех пор, пока двое из банды не были расстреляны при нападении на продуктовый магазин, а третий не погиб при попытке скрыться. Преступниками оказались трое молодых людей, за полгода до этого вернувшихся из армии: Никитин Александр Васильевич, Коряк Федор

Федорович, Кузяков Степан Иванович. Их тела опознала одна из выживших жертв ограбления, и дело закрыли.

Архивные документы рассказывали обо всем подробно, с фотографиями, со свидетельствами очевидцев... Но Макар им не верил.

– Чушь собачья, – озвучил его мысли Бабкин, разобравшийся в деле. – Посмотри на обстоятельства нападений: из девяти случаев четыре – на квартиры пенсионеров, все из одного района – того, где у Никитина жила сестра. Кстати, они у нее и останавливались, по-видимому. А машина принадлежала ее мужу. Еще пять налетов – в разных районах Москвы, но их объединяют жертвы: во всех квартирах проживали коллекционеры. Что там у них пропадало? Ага, иконы, деньги... Понятно. Во всех случаях ограблений квартир пенсионеров хозяева были дома. Думаю, потому так и шли, нахрапом, чтобы старики дверь открывали. А там, где жертвами становились коллекционеры, в трех квартирах во время нападения были их домашние, а две другие квартиры пустовали, и двери попросту вскрыли. Скажу тебе прямо: не вяжется у меня забивание стариков палками, а также тупая попытка ограбления магазина с кражей икон. А вот и нож начал фигурировать в деле, – добавил он, вчитываясь. – Хозяин квартиры, из которой вынесли деньги и редкие инкрустированные шкатулки, пытался оказать сопротивление, и был заколот одним ударом. Довольно профессионально. Это тебе не палками стариков бить.

– Есть еще кое-что, – заметил Илюшин. – Посмотри на данные о тех троих, Никитине, Коряке и Кузякове. Они все родились и выросли в разных местах: один в Подмосковье, второй в Луганске, третий – во Владимире. И встретились только в Москве. Где бы ни жила Белова, она не могла знать всех троих, а значит, не могла и сказать, что «они такие были с детства».

– Повесили на отморозков все, что смогли, – подытожил Сергей. – Обычная практика. Значит, настоящих преступников не нашли, однако нападения на коллекционеров прекратились. О чем это говорит? Вряд ли эти убийцы тоже погибли – в такое совпадение я не верю. Значит, в мае случилось что-то, что заставило их остановиться.

– Есть и другой вариант, – сказал Макар, набрасывая на листе бумаги три фигурки с кривыми страшными лицами. – То, что заставило их остановиться, случилось во время последнего ограбления. Либо...

Он замолчал, быстро рисуя непонятные Сергею закорючки вокруг фигурок.

– Что?

– Они грабили не просто так, а что-то искали. И в конце концов нашли.

Макар Илюшин шел к кирпичному зданию больницы, во дворе которой прогуливались пациенты с посетителями, и думал о том, что смерть Беловой может поставить точку в их расследовании. Ему была совершенно безразлична судьба

бывшей гардеробщицы: для него женщина имела значение лишь потому, что могла вывести на след.

Все эти годы он ошибался, считая, что убийца Алисы либо погиб в перестрелке, либо разбился в машине. Возможно, он жив до сих пор. И тогда Макару необходимо его найти. Илюшин не произносил слова «месть», потому что оно отдавало корридой, графом Монте-Кристо и стилетами – чем-то театральным, напыщенным. А в его бесстрастном желании убрать человека, убившего девушку, которая составляла жизнь двадцатилетнего Макара, не было ничего театрального.

Белова лежала с закрытыми глазами на продавленной койке и не открыла их, когда Илюшин подвинул стул и присел рядом, не обращая внимания на заинтересованные взгляды других больных.

– Кто они? – негромко спросил он. – Зинаида Яковлевна, кто они?

Женщина чуть шевельнула губами, и он наклонился к ней.

– Зачем тебе? – еле слышно проговорила она. – Столько лет прошло...

– Вы знаете, где они сейчас?

Она наконец открыла глаза. Из угла правого, ближнего к Макару, потекла мутная слеза.

– Не знаю, – обреченно выдохнула она. – Не видела никого из них. Я сама-то столько лет пряталась, дома отсиживалась. А семь лет назад не выдержала: чувствую, не могу больше,

задыхаюсь в деревне. Вот и вернулась. А жить-то все равно страшно!

– Я хочу найти их и убить, – обыденно сказал Макар вполголоса. – Они мне нужны. Расскажите, Зинаида Яковлевна, прошу вас.

– Свидетель не соврал, а ошибся, – бросил он Бабкину с порога, вернувшись из больницы. – Ему показалось, что грабитель ударил Зинаиду Яковлевну ножом, и та начала падать. Однако видеть этого он не мог – Белова стояла к нему спиной. На самом деле ей стало плохо, когда она поняла, что произошло, и ее затащили в машину. Затем сказали, чтобы она убиралась из города, иначе убьют.

– И где она спряталась?

– Говорит, в родной деревне.

– Разумно. «От бандитов прячься в глуши, от ментов – в столице».

– Именно так. Но ей больше и некуда было ехать, а в деревне родственники. Девять лет назад у них случился большой пожар, и после него она соврала, что все ее документы в нем-то и сгорели. В суматохе-неразберихе ей выдали новые, на новую фамилию. Точнее, на старую – Белова она по покойному мужу. Зинаида Яковлевна осмелела и вернулась обратно, устроилась дворником. И до сих пор боится, что те трое ее найдут.

– Кто они, Белова сказала?

– Да. Поэтому исследовать ее биографию нам больше не

нужно. Ищем вот этих людей. – И Макар положил на стол записную книжку, открытую на странице с одной-единственной фамилией.

Лето 1984 года. Село Кудряшово.

Несколько дней Николай ходил, погруженный в себя. Со стороны он выглядел чуть более задумчивым, чем обычно, но в мыслях его возникали и рушились целые миры, в центре которых был он, простой тракторист Коля Хохлов. Николай опасался любопытных расспросов и внезапного пристального внимания жены, которая с недоверием поглядывала на русалку, а потому старался контролировать себя на людях. Ни к чему ему сейчас расспросы.

Словно человек, поймавший золотую рыбку и обдумывающий три желания, Николай прикидывал, о чем попросить русалку так, чтобы желание его устроило. Он боялся, хотя красавица из Марьиного омута об этом ничего не говорила, что количество желаний будет ограничено, и старался как можно полнее и лаконичнее сформулировать их в уме.

– Просто сказать – жизнь изменить, – бормотал он под шум работающего трактора. – Нужно еще объяснить, как именно менять. Значит, сначала надо самому понять.

После трех дней раздумий и примерок на себя разных судеб Николай решил окончательно: в Кудряшове он не останется. Поедет в Одессу. Почему именно в Одессу, он не мог бы толком объяснить, но знал, что хочет туда – к морю, чайкам, кораблям в порту и небрежно сплевывающим моряч-

кам, видевшим полмира. Оставалось решить вопрос с родней и Фаиной. Николай не знал, может ли русалка сделать так, чтобы он исчез из их жизни, как будто его и не было, но предполагал, что не может. «Просто так исчезнуть – нельзя, не по-человечески это. Файка убиваться станет... да и родители. Что ж придумать-то такое?»

Он вспомнил Оксану, которую не видел с *той* ночи, и на миг прикрыл глаза. Эх, а может, не надо ему никакой Одессы? Загадать желание: пусть все устроится, чтобы Оксана стала его женой, а Фаина... А Фаина – Гришкиной. Пусть. Он бы даже и не ревновал, если б так все случилось. Нарожала бы ему Оксанка детишек, и жили бы они припеваючи. А то и в самом деле – в Одессу с ней вдвоем. Ох, елки, как же лучше-то придумать?

От мыслей его отвлек Колька Котик – прибежал, жестами заставил заглушить машину и проорал:

– Фаина просила тебя до магазина дойти – там, говорят, конфет привезли. А она сама не успевает!

– В обед дойду! – крикнул в ответ Николай. – Каких конфет-то?

– Я почему знаю?

В перерыве Николай вспомнил о просьбе жены и, чертыхаясь, поплелся к магазину. Солнце припекало, и по дороге он успел десять раз мысленно сказать Файке все, что думает об ее глупой просьбе: «Сладкого ей захотелось! Сейчас еще в очереди стоять, слушать, как старухи языки чешут...»

В магазине было не протолкнуться: Николай даже внутрь заходить не стал, присел в тенике на деревянные ступени. Из-за приоткрытых дверей слышались молодые женские голоса – девчонки стояли возле выхода, и от Николая их отделяла только стена. Голоса были незнакомые, и тракторист удивился: «Кто такие? Откуда?»

Насмешливо брошенная фраза заставила его вздрогнуть и прислушаться.

– Люба, как купалось-то ночью? Водяные за пятки не хватили?

– Зря вы со мной не пошли! В город вернемся – всем расскажу! А вы чем будете хвастаться? Как сорняки на колхозных полях пололи?

Дружный смех.

– Ну почему... – возразил другой голос, тоненький. – Вон, Верка себе красавца в селе приглядела!

– Так Любаша тоже красавца нашла, только молчит, как партизанка.

– Люб, признавайся, кого ночью выловила?

– Да ну вас! За очередью смотрите, а то без конфет останетесь! А ты, Верка, болтушка...

– Ну а что я? – снова смешки. – Разве нельзя говорить? Смешно же вышло с тем парнем, правда?

– Люба, расскажи!

– Расскажи, все равно делать нечего!

– Ой, краснеет! Девочки, вы посмотрите – краснеет!

И снова смех.

– Давайте я расскажу, раз Любка молчит. В общем, девчата, взбрело в голову нашей Любочке искупаться ночью. Между прочим, нагишом!

– Не может быть!

– Ну, Любовь Витальевна, ты даешь!

– Не перебивайте, слушайте дальше. И кого, вы думаете, она встретила на берегу?

– Корову!

– Водяного!

– Председателя сельсовета!

– Хи-хи-хи! И говорит Любка председателю сельсовета страшным голосом...

– Нет, лучше председатель говорит Любке страшным голосом: исполни три желания, золотая рыбка!

– Ладно, пусть дальше сама излагает.

– А что излагать-то? Подумаешь, рыбака немножко подумрачила! Ой, у него такое лицо смешное было – вы бы видели! Только Володьке не говорите, хорошо?

– Вот прямо сейчас пойдем и выложим все твоему Володьке!

– Точно! Он, наверное, сразу рыбачить ночью побежит.

– Чтобы и ему русалка попалась!

– Или председатель сельсовета! Ха-ха!

Николай сидел с каменным лицом. Затем встал, зашел в магазин, остановился около дверей. Оглядел всю стайку.

Им было лет по семнадцать-восемнадцать, не больше. Все тоненькие, как спички, в перепачканных штанах и футболках, белокожие. Одним словом – городские, хоть и косынки на головах повязаны.

Она стояла в середине – темноволосая, зеленоглазая, с пухлыми яркими губами. Очень юная – он даже удивился, как мог принять ее за женщину. Хотя... темно ведь было, да. Сейчас он видел, что не красавица, а просто очень симпатичная девчонка, единственная из всех с хорошей фигурой: высокой крепкой грудью, покатыми бедрами.

Николай смотрел на нее, и она залилась краской, опустила глаза.

– А вам... вам что надо? – с вызовом, за которым скрывалась робость, спросила одна из девчонок – маленькая, рыжая, с забавными хвостиками, рожками торчавшими из дырочек в косынке.

– Русалка, значит? – спросил Николай каким-то чужим, скованным голосом.

Та кивнула, не поднимая глаз.

– Вот оно что. Русалка.

Он покивал как заведенный, стоя на месте, и по тишине, воцарившейся вокруг, понял, что нужно уходить. Мимо него протиснулась старая Нонна Иванова, подмигнула, в шутку толкнула в плечо.

– Что киваешь-то, словно телок, а? – Громкий голос ее разнесся по всему магазину, на них стали оборачиваться. –

Вишь, каких ягодок к нам прислали сорняки полоть? Вот! Посмотрел – и иди своей дорогой, чай, у тебя жена имеется!

В магазине засмеялись, стали переговариваться. Николай повернулся и вышел, пошел прочь от магазина. Вслед ему что-то крикнул женский голос, но он не обернулся. Вот оно что, значит. Русалка.

Ощущение было такое, будто он лежал под солнцем весь день, а потом его заставили встать. Перед глазами то и дело вспыхивали черные пятна, и в конце концов Николай вынужден был сесть в траве возле забора, прислониться к нему спиной. Пятна пропали.

Он восстанавливал в памяти все произошедшее и теперь не находил в нем ни одной детали, которую нельзя было бы объяснить. На все, на все находился до омерзения банальный и рациональный ответ, и неожиданная уступчивость Оксаны обернулась всего лишь тягой похотливой бабы, воспользовавшейся удобным случаем.

Николай сидел в траве, недалеко от него прохаживались куры, и совершенно черный блестящий петух с красным гребешком поглядывал на него настороженно и одновременно воинственно. Но кур Николай не видел. Он видел, как рушится любовно придуманная им для себя жизнь – новая, совсем другая, с чистого листа.

«Не будет тебе Одессы. Не будет моря. И жены Оксаны тоже не будет. Ничего ты не начнешь, Коля Хохлов, – чудес-то не бывает! А ты хотел русалку сделать, чтоб она тебе жела-

ния исполняла? Во дурень-то, а! Посмотрите на дурачка, пока он в лес не убежал! Из дерева вырезал... старался... чтоб как живая, чтоб такая же красавица. Вон она, твоя красавица – в магазине за конфетами стоит!»

Николай обхватил голову руками и застонал, раскачиваясь. «Господи, а ведь я поверил – поверил от души и всю жизнь свою уже мысленно перекроил! Как же так...» Он достал из кармана русалку. Деревянная фигурка лежала в его ладони, и он поразился, как похоже удалось ему передать то, что он увидел в симпатичной городской девчонке, решившей побаловаться ночью.

– Талант прорезался, – с циничной насмешкой протянул он и сплюнул в сторону петуха.

Тот возмущенно закудахтал и отошел в сторону.

– Так и буду до старости на петухов любоваться.

Николай провел пальцем по фигурке и еле сдержался, чтобы не зашвырнуть ее за забор. Что-то остановило его. Он поднял заслезившиеся глаза к небу, увидел рядом с солнцем облако – большое, пышное, – и оно напомнило ему, как он сидел утром перед окном и представлял себя на корабле, плывущем к неизведанным берегам. Поднявшийся ветер погнал облако по небу, и десять минут спустя оно растаяло, оставив после себя белые разводья.

Николай некоторое время сидел неподвижно, свыкаясь с мыслью, так легко пришедшей к нему, затем усмехнулся и встал.

Мишку Левушина он нашел на колхозном подворье.

– О, Колька! – удивился тот. – А чего не работаешь? Сейчас Михал Дмитрич увидит тебя, сам знаешь, что будет...

Тракторист молчал, смотрел на него, прищурившись, и взгляд у него был такой, что Левушину стало не по себе.

– Коль, ты чего? С Фаиной поругался, что ли?

– Я тебе подарок хочу сделать, – сказал Николай бесстрастно, игнорируя вопрос о жене. – Сказать честно, выкинуть хотел или сжечь, да рука не поднялась. Держи.

Он протянул Левушину деревянную скульптуру. Удивленный Мишка взял ее, повертел в руках, пригляделся и присвистнул.

– Ба! Русалка! Ничего игрушка, забавная. Откуда она у тебя?

– Сам сделал.

– Шутишь?

Николай помолчал, затем добавил, по-прежнему без выражения:

– Она желания исполняет.

– Чего? – не понял Левушин.

– Желания исполняет. – Он вдруг начал смеяться странным смехом. – Понял, Мишка? Загадываешь ей желание, а она – раз! – и исполняет. Вот только бы – ха-ха-ха! – знать, что загадать!

– Тьфу! Да ты пьяный!

– Ей-богу, Мишка! Загадай, что хочешь, – она тебе и ис-

полнит! Одно-то точно исполнит! А там уж как сложится.

Он вытер слезы, выступившие от смеха, повернулся и пошел прочь. Время от времени плечи его сотрясались, как будто он начинал смеяться, но быстро успокаивался. Левушин проводил его взглядом, посмотрел на фигурку в своей руке и пожал плечами.

– Ничего сделано... Ленке покажу – порадуетя.

Русалка смотрела на него темными глубокими глазами, и на секунду Левушина снова охватило то же неприятное чувство, которое он испытал, увидев Николая.

– Вот же черт... как живая! Ну, Колька, ну талант!

Только теперь, присмотревшись, он увидел, как необычно выточена фигурка – вся, от гривы распущенных волос до кончика рыбьего хвоста, изгибающегося вверх. Казалось, она вот-вот изогнется и прыгнет с его руки, так что Мишка непроизвольно сжал пальцы и обхватил фигурку. И чуть не вздрогнул – она была теплая.

– Совсем дурак! – раздраженно бросил он себе. – Ее Колька в руке держал – вот и теплая!

Покачав головой, он сунул фигурку в карман, напомнив себе вечером показать ее жене. Да и мамаше ее можно – пусть позавидует. И вернулся к работе, постаравшись не думать о странном поведении приятеля.

Вечером Левушину было не до Николая – теща, старая стерва, снова устроила скандал. «Пользуется, гадина, тем, что дом еще не достроили». Мишка доживал последнее лето

у родителей жены, и мать Ленки давно стояла ему поперек горла.

Ленка, как всегда, заняла сторону мамыши, потом к ним подтянулся тесть, и в конце концов разозленный Мишка выскочил во двор – голову проветрить, чтобы не наговорить чего-нибудь лишнего. Покурив, он собирался вернуться домой и тут нащупал в кармане деревянную фигурку.

«Ничего Ленке показывать не буду, – решил он со злости. – Обойдется. Да и вообще надо бы вернуть Кольке эту...» Он искал слово для обозначения того, что лежало у него в кармане, но не нашел.

Размышления его прервал странный звук – не то вой, не то плач. Звук приближался, и Мишка слышал, как распахиваются двери и раздаются голоса в соседних домах. Он вскопчил, быстрыми шагами пошел к калитке и увидел на крыльце жену – Ленка стояла, прижав руки ко рту, и глаза у нее были отчаянные.

– Что стряслось? – спросил Левушин, гоня от себя страшную догадку.

– Батюшки! Колька! Колька Хохлов!.. Ой, Фаина-то как убивается!

– Что Колька Хохлов?! – рявкнул Мишка. – Говори, дура!

– Нашли его... – Ленка всхлипнула. – Нашли его в Марьином омуте. Утонул наш Колька!

На следующий день Катя начала действовать. До вчерашнего вечера ей казалось, что вот-вот случится маленькое чудо: позвонит какой-нибудь дядя Тигран и скажет, что им можно возвращаться в Ростов-на-Дону, потому что все бандиты сидят в тюрьме. А те, которые не сидят, обливаются слезами раскаяния. И тогда она вернется в институт и все станет, как прежде, а Москву она забудет как страшный сон.

Или, например, Артур объявит: «Все! Уезжаем из этой жуткой квартиры, в которой мы сидим, как в тюрьме. Я решу все проблемы». И одним движением руки действительно все решит. Как именно – Катя не хотела представлять, потому что это уже был пошлый реализм, не совместимый с чудесами.

Но разговор с мужем открыл ей глаза: Катя вдруг поняла, что чуда не случится, и более того – никто ничего не решит, кроме нее самой. Теперь она отвечает за то, чтобы обеспечивать свою новую семью.

После бурного секса накануне, во время которого они оба старались сдерживать стоны, Артур тотчас уснул, а Катя лежала без сна, прислушиваясь к шуму труб в старом доме. Муж был сначала груб с нею, а затем пришел, помирился, согласился со всем, что она предложила... «Но ведь он согласился не сам, – сказал трезвый голос внутри. – Его заста-

вила мать. А сам он предпочел, чтобы я по-прежнему работала курьером, и его даже не волнует, что нам не хватает денег на жизнь. А что вообще его волнует?»

Катя перевернулась на живот, пристально посмотрела на спокойное лицо мужа. Артур красив, ничего не скажешь. И девчонки из института не раз ей об этом говорили. Брови широкие, прямые, ресницы длинные, а кожа – как у ребенка.

Он вздохнул во сне, губы его искривились, придав лицу обиженное выражение.

«Я совсем не знаю своего мужа, – произнес в Катиной голове кто-то холодно-отстраненный, куда более взрослый, чем она сама. – То есть я знаю, что ему нравится из еды, как он любит заниматься любовью, что предпочитает в одежде. Но я не знаю, о чем он думает. И не знаю, чего ждать от него».

Эта мысль ее испугала. Нет, так нельзя! Это все тяготы последнего месяца виноваты – она стала выискивать врагов в родных людях! «Самый родной человек у тебя – мама, – безжалостно произнес тот же голос. – А вовсе не твой муж, за которым ты замужем меньше года».

– Но он меня спас! – возразила голосу Катя. – Он помог тогда, когда было необходимо! В этой квартире мы все оказались из-за меня – если бы я не упала, Артур не стал бы занимать деньги неизвестно у кого, и ничего страшного бы не случилось!

Катя уцепилась за эту мысль, потому что она расставляла

все по своим местам.

– Сейчас я делаю то, что обязана делать! Нельзя платить злом за добро и быть неблагодарной свиньей!

Внутренний голос молчал, и Катя успокоилась. Просто они все очень устали. «Ничего, все наладится. Завтра я что-нибудь придумаю».

На следующее утро, толкаясь в метро, она составляла план действий. Странный эпизод в квартире Вотчина почему-то придал ей уверенности в том, что у нее все получится. Она отпросилась с работы и поехала на станцию метро, возле которой видела вывеску «Интернет-кафе».

Спустя два часа у нее имелись вакансии пятнадцати различных фирм, две из которых располагались неподалеку от ее района. Всем им нужен был либо секретарь-референт, либо офис-менеджер. Катю неприятно поразило, что во всех объявлениях обязательными требованиями к кандидату были знание английского языка, московская прописка и высшее образование. У нее не было ни первого, ни второго, ни третьего. Если бы Катя увидела эти вакансии двумя днями ранее, ей бы и в голову не пришло рассматривать их всерьез. Но сейчас, после того как она держала в руках легкую деревянную фигурку со странным названием «желанница», ей казалось, что все не так страшно.

Разговор по первым пяти объявлениям ее обескуражил: люди на том конце провода задавали короткие вопросы, на которые она правдиво отвечала, и, выслушав ее, отказывали

в собеседовании. Безусловно, очень вежливо. Очень коротко. Очень равнодушно. Следующие четыре звонка ничего не дали, потому что кандидат уже был найден. Еще два быстрых разговора по телефону – и Катя покачала головой: теперь ей самой не нравились люди, с которыми она разговаривала. Категорически не нравились. «Что значит – готовы ли вы к совместным выездам на природу?»

Еще один неудачный звонок – и Катя задумалась. Почти четыре часа потраченного времени – и никакого результата! Точнее, отрицательный результат. «Значит, я что-то делаю не так».

Позвонив по следующему номеру, она попробовала изменить ответы, и на стандартную просьбу прислать резюме, ответила извиняющимся голосом:

– Знаете, у меня небольшие сложности: вышел из строя компьютер, а все данные и резюме – там. Я понимаю, что это несерьезно, – заторопилась она, поняв по молчанию, что собеседник сейчас попрощается, – но надеюсь, что завтра компьютер починят, и к вечеру я смогу прислать резюме. Вас устроит, если мы проведем собеседование утром? Может быть, по его результатам и резюме не понадобится...

Женщина на том конце провода многозначительно помолчала.

– Ну что же... Раз у вас действительно временные проблемы... – Она подчеркнула слово «временные».

– Действительно! – горячо заверила ее Катя. – Действи-

тельно временные!

– В таком случае подъезжайте завтра...

И продиктовала адрес.

Только повесив трубку, Катя сообразила, что не знает, как отпроситься с работы, и ей не в чем идти на собеседование. «Ничего! Я что-нибудь придумаю!»

Вечером она позвонила начальнице и предупредила, что заболела. В ответ пришлось выслушать раздраженное ворчание, но цель была достигнута. Затем подошла к Седе и выпросила у нее займы белую рубашку. Сестра Артура недовольно поморщилась, но рубашку дала, попросив вернуть ее в целости и сохранности. Третьим шагом был разговор с Артуром. Катя хотела посоветоваться, как лучше держаться на собеседовании, но, увидев спокойно ужинающего мужа, она неожиданно передумала. «Сама решу. В конце концов, не маленькая».

Однако подходя в назначенное время к высокому серому зданию, на дверях которого висели вывески двух десятков фирм, она чувствовала себя именно маленькой. Маленькой и очень глупой.

– Господи, что я делаю? – с ужасом спросила себя Катя, поднимаясь вверх в зеркальном лифте.

Неправильный был этот лифт и злой. Вместо молодой, уверенной в себе девушки, у которой одна-единственная проблема – сломавшийся компьютер, он показывал в своих зеркалах бледную девчонку с неаккуратной стрижкой, в де-

шевой белой рубашке и очень дешевых брюках. Лицо у девчонки было не то замученное, не то испуганное.

– Мне никого не удастся обмануть!

Она прикрыла на секунду глаза, думая, не нажать ли на кнопку «стоп», чтобы не позориться на собеседовании, и перед ее мысленным взглядом сама собой возникла русалка. Она улыбалась, одобрительно помахивала хвостом – совсем как собачонка Антуанетта, – и Кате стало смешно.

«Что я паникую? – спросила она у самой себя, неожиданно обретая уверенность. – Подумаешь, пять минут позора! Неужели это страшнее, чем давиться беляшами из котят?»

Двери лифта открылись, Катя сделала шаг и оказалась на красной ковровой дорожке.

«Ваш выход, госпожа Викулова! – издевательски громко объявил кто-то у нее в голове. – Вот сейчас-то мы и выясним, что лучше – беляши с котятами или позор на собеседовании».

Двадцать минут спустя Катя знала точно – беляши с котятами победили по всем статьям. Мягкое тесто, насыщенный сладковатый вкус мяса, лучшее рафинированное масло, в котором беляши плавают, пропитываясь до самой середины... Что может быть лучше беляша! Она готова была рекламировать беляши с котятами бесплатно, если бы это помогло ей избавиться от дальнейшего унижения.

– Я вас больше не задерживаю. – Дама, проводившая собеседование, даже не смотрела на Катю. – Вы отняли у на-

шей компании достаточно времени.

– Не у компании. У вас. – Кате зачем-то очень нужно было, чтобы дама оторвала взгляд от документов и все-таки посмотрела на нее.

– Что вы сказали?

– Я сказала, что отняла время у вас, а не у вашей компании.

– Вы думаете, госпожа Викулова, что наглость – второе счастье? – Дама подняла на нее глаза. – Я – сотрудник компании, и мое время – это время компании. Вон в том кабинете сидит наше руководство, с которым вы беседовали бы, если бы я одобрила вашу кандидатуру. И в таком случае время, потраченное на вас, также было бы временем, отнятым у компании. Поэтому не нужно огрызаться, тем более что вы и так показали себя не с лучшей стороны. Врать некрасиво.

«Некрасиво, – молча согласилась Катя, вставая и снимая сумку со спинки стула. – А есть беляши с котятами невкусно. И вредно. Но это мои проблемы, я знаю». Она повесила сумку на плечо и уже собралась попрощаться, как вдруг в голову ей пришла безумная мысль. Катя бросила взгляд на даму, подчеркнуто не замечавшую ее, и быстро пошла к той двери, где должно было сидеть начальство.

Она стремительно пересекла коридор, толкнула белую дверь и влетела в просторный светлый кабинет. Сзади раздался возмущенный голос, и Катя молниеносным движением захлопнула дверь и повернула ключ, торчавший в замке.

Дама ударилась о закрытую дверь, закричала об охране и затихла. Катя выдохнула и обернулась к тем, кого называли начальством.

В кабинете сидело трое – мужик, похожий на бульдога, светловолосый парень лет тридцати с двухдневной щетиной и в пижонских очках без оправы и женщина – маленькая остролицая брюнетка в элегантном сером костюме. Все трое не сводили с Кати глаз.

– Здравствуйте, – сказала та и сглотнула. – Вы начальник.

Она обращалась к бульдогу, не спрашивая, а констатируя факт. Бульдог кивнул, сохраняя невозмутимое лицо. Впрочем, они все держались крайне невозмутимо. Ни один не вскочил, не ахнул, не закричал: «Что вы себе позволяете!»

– Вам нужен офис-менеджер. Я хочу у вас работать. Из меня получится хороший сотрудник. Но у меня нет прописки. И законченного высшего. Поэтому я обманула вашу сотрудницу. И она хотела меня выгнать. Пожалуйста, возьмите меня на испытательный срок. Я знаю, что поступила некрасиво. Но мне нужен был шанс.

Она замолчала. Бульдог по-прежнему бесстрастно смотрел на нее. «Охрану ждет, – поняла Катя. – Господи, что я делаю?!»

– Я смогу хорошо работать. Пожалуйста, проверьте меня.

– Вы всегда говорите рублеными предложениями? – неожиданно спросил щетинистый очкарик.

– Нет. Обычно я говорю нормально. Просто сейчас я

очень волнуюсь.

– Это вполне понятно, – вежливо сказал очкарик. – Не каждый день, наверное, вы запираете себя с начальниками всяких контор, чтобы объяснить им, какой бесценный сотрудник из вас получится.

Катя возненавидела его сразу же и бесповоротно – за еле слышную насмешку в интонации, за совершенное спокойствие, за расслабленную позу и за пижонские очки – до кучи. «Типичный зажавшийся москвич».

– Нет. Не каждый, – сказала она, пытаясь подражать его бесстрастной манере и ожидая, что вот сейчас дверь за ее спиной вышибет охрана, а затем ее поведут в отделение милиции. – Вообще-то я практикую это по понедельникам.

– Сегодня среда, – подал голос бульдог.

– Для вашей фирмы я сделала исключение.

Снова наступило молчание, прерванное каким-то бульканьем. Изумленная Катя поняла, что булькает бульдог – точнее, не булькает, а смеется. Смеялся он от души, и брыли его тряслись от смеха.

– Исключение, значит, – сказал он, отсмеявшись. – Наталья Ивановна, вы слышали? Для нас сделали исключение. Что вы на это скажете?

– Я лучше спрошу. – Элегантная брюнетка присматривалась к Кате, и девушка постаралась выдержать ее испытующий взгляд. – Простите, как вас зовут?

– Екатерина. Екатерина Викулова.

– Уважаемая Екатерина, на место офис-менеджера в «Эврике» претендуют девушки с московской пропиской и законченным высшим образованием. Хорошим образованием. У многих из них деловой английский. У вас есть деловой английский?

– Нет.

– Разговорный?

– Нет.

– У вас имеется опыт работы в данной сфере?

– Нет.

Женщина понимающе кивнула.

– Тогда назовите мне, Екатерина, хоть одну причину, по которой на место офис-менеджера Игорь Сергеевич должен взять вас, а не одну из тех претенденток, которые отвечают всем требованиям? Мне действительно интересно.

Катя поняла, что сейчас ни в коем случае нельзя говорить о том, как нужно ей это место. К тому же бить на жалость казалось ей недостойным. Она подумала пару секунд и ответила:

– Во-первых, я обучаема. Да, у меня нет трехлетнего опыта работы. Но мне хватит очень небольшого времени, чтобы разобраться в своих обязанностях. Во-вторых, я очень добросовестна. В-третьих, я умею нестандартно подходить к решению сложных задач.

– Да, мы заметили, – снова подал голос очкарик.

– Но должность, на которую вы претендуете, не преду-

смаатривает нестандартного решения задач. Она требует исполнительности, пунктуальности, ответственности. И, само собой, опыта работы в данной сфере. На вас придется потратить время, обучать... Зачем?

– В результате из меня получится хороший сотрудник, – сказала Катя, отчаянно стараясь убедить их всех.

– Который уйдет на более высокую зарплату, как только подвернется такая возможность? – Женщина смотрела на Катю приветливо, но за ее внешней мягкостью чувствовался железный характер. – Я сталкивалась с подобными случаями. И не мотайте головой – жизнь у всех складывается по-разному, вы не можете гарантировать, что не переедете в другой район и не станете искать работу ближе к дому. Вы хотите сказать, что я не права?

– Не хочу. Вы правы.

– Тогда скажите, зачем же вы ворвались в кабинет и закрыли дверь, если у вас нет ни одного преимущества перед остальными кандидатами? В чем вы хотели нас убедить?

Катя помолчала, затем посмотрела почему-то не на женщину, а на очкарика и негромко проговорила:

– Я хотела использовать все шансы. Даже самые небольшие.

Брюнетка пожала плечами, и Катя поняла, что собеседование закончено.

Она согласно кивнула, признавая свое полное поражение, и тут начальник сказал непонятное:

– А что говорят ваши знаки, Наталья Ивановна?

– Действительно, – поддержал его очкарик, и теперь в его голосе не было и намека на насмешку – только уважение и интерес. – Может быть, ваша система сработает и в нашем случае?

Женщина усмехнулась, покачала головой.

– В том-то и дело, что ничего нет. Вы бы сами увидели или слышали, не сомневайтесь.

И в ту же секунду заиграла музыка – громко, радостно, на весь кабинет. Вздروгнули все, кроме брюнетки.

«Ра-а-асцветали яблони и груши, – вывел женский голос, и Катя поняла, что это всего лишь звонок телефона, – па-аплыли-и-и туманы над рекой!»

– Опять Лелька в настройках ковырялась! – прорычал начальник, ныряя куда-то под стол. Вынырнул он с поющим телефоном и нажал на кнопку, не дослушав, кто же выходил на берег. – Да! Я!

Пока он бросал короткие реплики, Катя протянула руку к двери, из-за которой раздались громкие голоса, и повернула ключ. Дверь распахнулась, в комнату ворвались два охранника и фурия, в которой она опознала даму, проводившую собеседование.

– Вот она! – фурия ткнула пальцем в Катю.

– Спокойно, Алла Прохоровна! – Бульдог закончил разговор и быстро прекратил суматоху. – Все в порядке. Ребята, вы можете быть свободны, ложная тревога. И вы, Алла Про-

хорова, не беспокойтесь.

– Да как же...

– Не беспокойтесь, Алла Прохорова, – снова повторил мужик, и Катя слышала в его голосе настойчивость. Видимо, фурия тоже слышала ее, потому что молча повернулась и вышла.

– Видите, Игорь Сергеевич, – сказала брюнетка, и Катя увидела, что она улыбается. – Вот знак и появился. Похоже, я ошибалась, и готова это признать.

– И вы полагаете... – Бульдог выглядел несколько смущенным.

– Да, никакого сомнения. Для меня – однозначно, а вы решайте сами.

Мужик устремил вопросительный взгляд на очкарика.

– Капитошин, что мы решим?

– По-моему, все очевидно, Игорь Сергеевич. Пусть выходит на берег. На высокий берег на крутой.

Все они повернулись к Кате, чувствовавшей себя зрителем в японском театре.

– Что? – не выдержала она. – Что такое? При чем здесь берег?

– В конце концов, – задумчиво протянул очкарик с забавной фамилией Капитошин. – Что мы теряем?

– Правильно, Капитошин. Тогда отведи девушку к Шалимовой, пусть оформляет испытательный. Заодно проверим систему нашей уважаемой Натальи Ивановны.

– Сколько?

– Ну... пусть будет три месяца. А там посмотрим.

Бульдог кивнул оторопевшей Кате, не верящей собственным ушам, а женщина снова улыбнулась.

– Спасибо, – произнесла Катя, боясь поверить окончательно, что ее приняли.

– Пожалуйста. Благодарите госпожу Гольц, а не меня. Да, Наталья Ивановна, к слову о благодарности...

Катя вышла и не слышала продолжения разговора. Капитошин вышел за ней, остановился посреди коридора, широким взмахом руки обвел вокруг:

– Добро пожаловать в компанию «Эврика».

И улыбнулся, прохвост.

Глава 5

Лето 1984 года. Село Кудряшово

О самоубийстве тракториста в селе судачили долго. Никто не мог понять, почему молодой здоровый парень покончил с собой без всяких видимых причин. В конце концов решили, что жизнь Хохлову отравляла жена, и на том успокоились.

Все, кроме Мишки Левушина. Со дня смерти приятеля он не расставался с маленькой деревянной русалкой. Игрушку Мишка никому не показывал, но, оставшись один, вынимал ее из кармана и рассматривал, проводил пальцем по светлому дереву. Он хорошо помнил, как пришел к нему Колька и сказал о том, что русалка исполняет желания, и даже догадывался, что именно в этом скрыта причина его самоубийства.

«Если желание исполнилось, зачем же Хохлов топиться решил? Что он такое загадал?»

Русалка не давала Мишке покоя. Казалось бы – чего проще: загадай желание да жди, сбудется или нет. Но Левушин чего-то опасался. Он по природе был пуглив и осторожен, а сейчас, после самоубийства тракториста, и подавно трусил. Несколько раз он повторял себе, что ерунда это все, бабьи сказки, что в наш век, когда люди в космос полетели, никаких глупостей вроде волшебных русалок быть не может... Затем доставал русалку, смотрел на нее, прятал обратно в карман. И боялся загадать желание.

Как ни странно, определиться с желанием Мишке помогла очередная ссора со свекровью. Елена Митрофановна была бабой вздорной, скандальной и на зяте отрывалась по полной программе. Левушин не мог не вестись на ее провокации, и дело обязательно заканчивалось стычкой. Его собственная супруга Ленка начинала подпевать матери, Левушин оскорблялся до глубины души и уходил заливать горе с Колькой Котиком.

«Угломонить бы тещу, – мечтал Мишка. – Показать ее место! Пусть знает Левушина!»

Мечты эти были несбыточны. Теща знала свое место и место Левушина, а потому с удовольствием топталась по его самолюбию. Пару раз в неделю Мишке была обеспечена хорошая взбучка.

После одной из таких взбучек красный как рак Левушин зашел в сарай, достал русалку и, выдохнув, проговорил:

– Я... это... решил, в общем. Сказать вслух, что ли?

Он почесал в затылке, помахал фигуркой в воздухе.

– Че сказать-то надо, а? Даже и не знаю как...

Мишка почувствовал себя дураком. Если Ленка придет и застанет его тут, размахивающего деревяшкой, без объяснений не уйти. Вот тогда-то они над ним вволю посмеются! Да и все село в придачу.

– Короче, чтоб Елена Митрофановна угломонилась маленько. Теща это моя. Чтобы притихла, точно. Ну, вроде и все.

Он растерянно сунул фигурку в карман, потоптался на месте и вышел из сарая.

На следующий день, вернувшись домой, он первым делом прислушался. Когда теща откапывала топор войны, первым признаком надвигавшейся атаки был шум посуды. Елена Митрофановна начинала переставлять горшки, кастрюли, по три раза яростно перетирала полотенцем сухие ложки, стуча ими друг о друга. «Так и есть. Шумит».

Со злорадным чувством Мишка разделся, вымыл руки, прошел в комнату. «Сейчас мы посмотрим, как тебя угомонят. Давай-давай, попробуй пошуметь!»

Теща не заставила себя ждать.

— Где шлялся-то? — спросила она, бросая косой взгляд на зятя. — Опять с дружками-лоботрясами пиво пил?

В другой раз Левушин отмолчался бы, трусливо наблюдая, как разгорается пламя святого тещиногo гнева. Но сегодня был особенный день. День исполнения желания.

— Ну, пил, — лениво сказал Мишка. — И что? Мужiku после работы пива нельзя попить, что ли? Чай, не водка! А вы-то сразу — «шлялся...» Да и мужиков ни за что ни про что обидели — лоботрясами обозвали. Прямо жизни никакой с вами нет! Чуть шаг в дом сделал — так сразу помоями меня облили! Сколько ж можно такого страдания, а? — продолжал он, распаляясь. — Или добиваетесь, чтобы я за Колькой Хохловым в омут сиганул?!

Он сам не знал, откуда ему на ум пришла последняя фра-

за. Однако эффект на Елену Митрофановну она произвела нешуточный. Теща выронила полотенце, всплеснула руками.

– Ты что же, Миша, говоришь-то, а? Да неужто ты подумать мог, что Ленка или я тебе такого желаем? Нет, ты скажи – подумал?

– Ну... – промямлил Левушин, не понимая толком, как ему реагировать. – Вы, Елена Митрофановна, вроде как ругаете меня, все укоряете за что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.